

Л. К. А. Свѣрнсен

НА ВОСТОК
ОТ СОЛНЦА,
НА ЗАПАД,
ОТ ЛУНЫ

Л. К. А. Свѣрнсен

НА ВОСТОК
ОТ СОЛНЦА,
НА ЗАПАД,
ОТ ЛУНЫ

У. Ж. Асбьернсен

НА ВОСТОК
ОТ СОЛНЦА,
НА ЗАПАД,
ОТ ЛУНЫ

НОРВЕЖСКИЕ СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ

пересказала для детей
А. Любарская

Издательство «Карелия»
Петрозаводск
1972

*Памяти Тамары Григорьевны Габбе,
с которой мы вместе начинали работу
над пересказом этих преданий и сказок.*

А. Любарская

Оформление и рисунки художника Н. И. БРЮХАНОВА

В'ОРОНЫ
УТ-Р'ЄСТА

Нередко случается, что рыбаки северной Норвегии, вернувшись с промысла домой, находят то прилипшие к рулю хлебные колосья, то ячменные зерна в желудке у выловленной рыбы.

Тогда они знают, что их лодки проходили мимо чудесных островов, о которых поется в старых дедовских песнях. Солнце светит там ярче, чем всюду, луга там зеленее, поля плодороднее, а рыба в море никогда не переводится, — сколько ни закидывай сеть, всегда полна.

Но не всем дано увидеть эти острова. Только чистому сердцем и смелому душой в страшный час, когда яростные волны грозят гибелью, открываются эти таинственные земли. И счастлив тот, кто ступит на их приветливые, солнечные берега, — он спасен.

Предание рассказывает, что в море есть три таких острова. Один остров называется Сандфлес. Он встает из морской глубины недалеко от Гельгоlanda, и берега его изобилуют рыбой и дичью.

У другого острова нет названия. Словно нехотя поднимается он в водах Вестфьёрда. Его ровная поверхность так и остается под водой, и только тяжелые налитые колосья колышутся над свинцовыми волнами.

Третий остров — самый большой — появляется недалеко от Рёста, южнее Лофотенских островов, и называется он Ут-Рёст.

Жители этой благодатной земли не знают нужды.

По зеленым обширным пастбищам Ут-Рёста ходят тучные стада, поля золотятся ячменными колосьями, у причалов стоят суда с рыболовными снастями, всегда готовые выйти в плаванье.

Старые рыбаки рассказывают, что им случалось видеть в море неведомые корабли, которые неслись им навстречу под всеми парусами.

Кажется, вот-вот корабль врежется в рыбацкий баркас.. Но в самую последнюю минуту корабль вдруг исчезал, словно облако, развеянное ветром.

— Это Ут-Рёст вышел на лов,— говорят старые рыбаки.

Много лет тому назад жил недалеко от Рёста бедный рыбак, по имени Маттиас.

Детей у него был полон дом, а добра всего-навсего — лодка и две козы. Лодка была старая, не раз чиненная, а козы тощие и облезлые, потому что кормились они рыбьими хвостами да жалкой травкой, которую им удавалось найти на прибрежных скалах.

Трудно жилось Маттиасу. Дети его частенько бегали голодные. Но он был не из тех, кто жалуется на судьбу и вешает голову, склоняясь перед неудачей.

— Ничего, нынче ветер встречный, завтра будет попутный,— любил приговаривать Маттиас, когда ему не везло. А не везло ему часто,— гораздо чаще, чем везло.

И вот однажды вышел Маттиас в море на рыбную ловлю. Давно уже не было у него такого хорошего улова, как в этот раз.

Одну за другой вытаскивал он тяжелые сети.

Лодка его чуть ли не до половины была полна рыбой, и он уже радовался, подсчитывая, сколько муки и сала купит на деньги, вырученные от продажи рыбы.

Он был так занят своим делом, что не заметил, как черная туча затянула небо. Вдруг стемнело, налетел ураган и поднялась такая буря, какой Маттиас не видывал от роду.

Отяжелевшую от груза лодку так и бросало из стороны в сторону. В конце концов бедняге пришлось выбросить за борт весь улов, чтобы не пойти ко дну вместе со своим богатством... И все-таки ему было нелегко удержаться на расхлывшейся волне.

Но недаром Маттиас прожил всю свою жизнь на море.

Много часов боролся он с бурей, ловко поворачивая лодку всякий раз, когда тяжелые валы обрушивались на нее и морская пучина готова была ее поглотить.

Время шло, а буря не утихала и туман сгущался все больше и больше. В какую сторону ни всматривался Маттиас,— земли нигде не было видно. То ли его закружила буря, то ли ветер переменялся, только он понял, что его несет в открытое море.

Он плыл и плыл, а куда — и сам не знал.

И вдруг среди грохота волн и воя ветра, где-то перед носом лодки, раздался хриплый крик вóрона.

Сердце у Маттиаса сжалось.

«Это, верно, морской дух поет мне погребальную песню,— подумал рыбак.— Видно, пришел мой последний час...»

В мыслях своих он стал прощаться с женой и детьми и готовиться к смерти.

А карканье слышалось уже совсем рядом.

Маттиас поднял голову. Перед самым бортом мелькнуло что-то черное, и он увидел на обломках мачты трех огромных воронов.

Но в это время сильная волна подхватила его лодку и понесла дальше.

Скоро Маттиас уже не мог бороться с бурей. Ослабевшие руки не справлялись с рулем. От голода и жажды он совсем обессилен. И кончилось тем, что он закрыл глаза и заснул, опустив голову на руль...

Очнулся Маттиас оттого, что ему почудилось, будто лодка его коснулась берега и тихо покачивается на месте.

Он вздрогнул и поднял голову.

Тучи разошлись. Сквозь разрывы облаков проглядывало солнце и своими яркими лучами освещало прекрасную землю. Склоны холмов, покрытые бархатными лугами и золотыми нивами, спускались к самому берегу, а горы до самых вершин были одеты в зеленый лесной наряд.

Воздух был словно пропитан душистым запахом травы и цветов, и Маттиас вдыхал его всей грудью, точно это был сладкий живительный напиток.

«Теперь я спасен,— подумал Маттиас.— Это Ут-Рёст!»

Он вытащил лодку на песок и пошел по тропинке, которая едва заметной ниточкой тянулась через ячменное поле. С удивлением смотрел Маттиас по сторонам,— никогда в жизни не видел он таких тяжелых, налитых колосьев.

Тропинка привела его к низенькой землянке, покрытой свежим дерном. На ее зеленой крыше паслась белая коза с золотыми рогами и шелковой шерстью. А перед землянкой на почерневшей колоде сидел маленький старичок в голубом кафтане и курил трубку. Борода у него была такая большая, что свешивалась чуть не до самых колен.

— Добро пожаловать, Маттиас, к нам на Ут-Рёст,— сказал старичок.

— Пусть счастье никогда не покинет эту землю, отец,— сказал Маттиас.— Но разве ты меня знаешь?

— А как же мне тебя не знать? Конечно, знаю,— сказал старичок.— Может, погостишь у нас?

— С радостью, отец,— ответил Маттиас.

— И мы хорошему человеку всегда рады,— сказал старичок.— Скоро и сыновья мои вернутся. Да ты не видел ли их в море?

— Нет, отец, никого я в море не видел, кроме трех воров.

— Да ведь это мои сыновья и были,— сказал, посмеиваясь, старик. Он выколотил свою трубочку и встал.— Ну, входи, входи, добрый человек. Небось проголодался, пить-есть хочешь.— И он открыл перед Маттиасом дверь своей землянки.

Маттиас переступил порог, да так и застыл на месте от удивления. В жизни своей не видел он сразу столько всякой еды. Стол так и ломился под тяжестью мисок, плошек, горшков, кувшинов. И чего только в них не было! И жареное, и вареное, и соленое, и копченое, и творог, и сметана, и сыр, и паштет, и целая гора бергенских баранок, и вино, и пиво, и мед...

Маттиас ел без устали, пил без отдыха, и все равно тарелка перед ним была будто нетронутая, а стакан ни на минуту не оставался пустым.

Сам старичок-хозяин ел немного, говорил и того меньше, и все на дверь поглядывал.

Вдруг снаружи зашумели, захлопали сильные крылья и слышалось хриплое карканье.

Дверь с шумом отворилась и в горницу вошли три рослых плечистых парня—один выше другого.

— Вот они, мои сыновья,— сказал старичок с гордостью.

Маттиасу стало не по себе, когда он увидел этих здоровенных молодцов. Он поспешил встать из-за стола. Но братья снова усадили его вместе с собой.

Каждый из трех братьев ел и пил за троих, а на столе ничего не убывало, словно никто не прикасался к еде.

Вино братья запивали пивом, пиво—медом, но никто из них не хмелел, а в кувшины чья-то заботливая рука все время подливала питье.

К концу ужина братья совсем подружились с Маттиасом. И когда они встали наконец из-за стола, старший сказал Маттиасу:

— Ну, приятель, ложись-ка спать. Завтра на рассвете мы выйдем на лов и тебя возьмем с собой. Не возвращаться же тебе домой с пустыми руками.

На другое утро, чуть свет, они вышли в море.

Едва лодка отчалила от берега, как поднялась страшная буря.

Старший брат держал руль, средний держал парус, а младший сидел на носу.

Маттиасу дали большой черпак, чтобы он вычерпывал воду. Ну и пришлось же ему поработать! Черпак так и мелькал у него в руках. И если бы Маттиас не был весь мокрый от воды, он давно бы промок от пота.

Лодка неслась под всеми парусами, и братья даже не приспустили их. А когда воды в лодке набиралось очень уж много, братья ставили ее так, чтобы она накренилась набок, и вода водопадом стекала с кормы.

Наконец буря утихла — так же внезапно, как началась.

Братья достали свои рыболовные снасти и закинули в море. И Маттиас закинул свою сеть.

Рыбы в этих местах водилось столько, что братья то и дело вытягивали полные сети, и только сеть Маттиаса как была, так и оставалась пустой.

— Что же это у тебя, приятель, дело не ладится? — сказал старший брат и переглянулся с младшим. — Ведь рыбы кругом довольно.

— Рыбы-то много, да удачи мало, — ответил Маттиас.

— Может, у тебя сеть негодная, — сказал средний брат.

А младший прибавил:

— Возьми-ка вот эту! Она у нас запасная.

Маттиас закинул новую сеть, и не успела она погрузиться в море, как ее уже надо было вытаскивать. За всю свою жизнь Маттиас не видел столько рыбы, сколько выловил теперь за один раз.

Когда лодка была полна рыбой до краёв, братья опять поставили парус и повернули лодку к берегам своего чудесного острова.

Подул попутный ветер, и лодка скользила по волнам так же легко и быстро, как и тогда, когда она шла порожняком.

Вернувшись на берег, братья вместе с Маттиасом вычистили рыбу и развесили на вёшала — сушиться и вялиться.

А на другой день снова вышли в море... И в какую бы сторону они ни плыли, ветер всегда был для них попутный, а рыба словно поджидала, когда они забросят свои сети.

Целую неделю прожил Маттиас на Ут-Рёсте и наконец стал собираться домой.

Хозяева не удерживали его.

Они отдали ему всю рыбу, которую наловили в тот день, да сверх того подарили ему на прощанье новый восьмивёсельный бот, и, в придачу к нему, целый мешок муки, целую штуку тонкой парусины, бочонок сала и еще много всякого добра.

Маттиас не знал, как и благодарить старика и его сыновей.

— Век не забуду вас и вашу счастливую землю,— говорил он, кланяясь.

— А не забудешь, так милости просим к нам опять на ту весну,— сказал старичок.— Поедешь с нами рыбу продавать. К твоему приезду она как раз высушится.

— Да как же мне вас в другой раз найти? Нынче-то меня буря к вам забросила.

— А ты следуй за вороном, когда он прямо в открытое море летит,— вот и найдешь нас,— сказал старичок.— Ну,— попутного тебе ветра! Прощай!

И не успел Маттиас отчалить, как Ут-Рёст скрылся в тумане. Кругом, куда ни посмотришь, без конца и без края простиралось море.

Попутный ветер подхватил лодку Маттиаса и понес к родным берегам.

Весь год прожил Маттиас дома без горя и забот.

А весной, чуть только миновали зимние бури, он снова снарядил свою лодку и вышел в море.

Сразу же над его парусом закружился вóрон.

Вóрон хрипло крикнул три раза и полетел, показывая Маттиасу путь к берегам Ут-Рёста... У причалов чудесного острова уже стоял наготове корабль.

Маттиас никогда не видел такого большого, богатого корабля.

Он был так велик, что от носа до кормы не долетал человеческий голос, и поэтому посередине корабля стоял матрос, который, услышав команду штурмана, передавал ее рулевому. Да и то обоим приходилось кричать во все горло.

Хозяева Ут-Рёста уже погрузили на корабль рыбу своего улова, и теперь оставалось только снести в трюм долю Маттиаса.

Но сколько ни снимали рыбу с вёшал, на которых она сушилась, рыбы на вёшалах не становилось меньше. На Ут-Рёсте ни в чем не бывает убыли.

Наконец трюм был набит доверху, и корабль отчалил.

В Бергене Маттиас удачно продал свою рыбу и на вырученные деньги по совету старика купил двухмачтовое судно со всем рыболовным снаряжением.

— Ну, Маттиас,— сказал хозяин Ут-Рёста, прощаясь с ним,— пришло время нам расставаться. Ты нас больше не увидишь. Но пока сердце твое бесстрашно, пока не знает оно жадности, мы будем стоять подле тебя у руля, своими плечами будем подпирать мачту во время бури, вместе с тобой будем закидывать сети. И счастье не покинет тебя!

Так оно с тех пор и пошло.

Какое бы дело ни начал Маттиас, удача ни разу не изменяла ему, а беда далеко обходила его дом на суше и корабль на море.

И всегда, когда он вел свой парусник по беспокойным морским волнам, когда он закидывал свои сети и вытаскивал их, чьи-то невидимые руки помогали ему держать руль, ставить паруса и тянуть сеть.

Правда, никогда больше не довелось ему увидеть волшебный остров и его щедрых хозяев, но каждый год, в тот самый день, когда буря принесла его к чудесным берегам Ут-Рёста, он убирал парусник разноцветными флагами и зажигал огни в честь своих невидимых друзей.

РАССКАЗЫ БЕРТЫ ТУППЕНХАУК

Лиса-обманщица была наконец убита, шкурка с нее снята, и в домике у старосты мы справили по рыжехвостой шумные поминки.

Однако за день все порядком устали, поэтому никто не хотел долго засиживаться. Когда пробило одиннадцать, все стали собираться по домам. Староста предложил мне лошадь. Это было очень любезно с его стороны, но я отказался. Проезжая дорога делала большой круг, и я предпочел идти на лыжах напрямик через лес.

И вот с ружьем и с лисьей шкуркой за спиной я отправился в путь.

Лыжная тропа была отличная. Днем немного подтаяло, вечером подморозило, и глубокий снег покрылся плотным настом. В небе светил месяц и весело подмигивали звезды. Чего еще может желать путник?

Я быстро мчался по лесистым холмам и березовым рощам. Вершины деревьев, побелевших от инея, переплетались ветвями, и над головой у меня сверкал блестящий серебряный свод. Было очень тихо. Лишь изредка раздавалось то уханье совы, то визгливый лай лисиц, затеявших драку, то лопотание зайца,— может, он жаловался на стужу, а может, испугался крика совы...

А потом все стихало. И только шарканье лыж нарушало тишину ночи.

Вдруг где-то совсем близко послышался скрип полозьев, и вскоре со мной поравнялись легкие низенькие сани.

Я посторонился, чтобы дать дорогу, но незнакомец, сидевший в санях, придержал лошадь и заговорил со мной.

По ружью и лисьей шкурке у меня за плечами и по моей охотничьей шапочке он сразу догадался, что я охотник, и ска-

зал, что только что, когда он ехал вдоль высокого берега реки, видел стаю волков. Волки шли по льду на эту сторону. Если я потороплюсь, то, пожалуй, успею их догнать.

Поблагодарив его, я двинулся дальше в путь.

Крутой склон холма, спускавшийся к реке, порос еловым лесом и густым кустарником. Лыжи сами несли меня вниз, ветки хлестали по лицу, в глазах всё мелькало и рябило. Я летел вихрем, не различая дороги, ничего перед собой не видя, и, прежде чем успел что-нибудь сообразить, наскочил на пень.

Одна из лыж сломалась, ружье отлетело в сторону, а я сам растянулся на снегу.

Несколько минут пролежал я, словно оглушенный. Потом попробовал встать, но почувствовал такую сильную боль в левой ноге, что не мог сделать и шагу.

Кое-как ползая на коленях, я обшарил кругом снег и наконец нашел свое ружье. Опираясь на него, как на палку, я спустился вниз к реке.

Тут я притаился за бугром и с нетерпением охотника стал поджидать волков. Скоро они появились. Их было пять; они медленно шли друг за другом по берегу.

Подпустив стаю шагов на сорок, я нажал правый курок моей двустволки. Ружье дало осечку. Нажал левый курок, но слишком поспешно,—порох вспыхнул и пуля ударилась о вершину ели, стоявшей на другом берегу.

Испуганные волки, вытянув хвосты, полным ходом умчались в глубь леса.

Раздосадованный, вылез я из своего убежища и, поминая недобрым словом проезжего, поплелся по берегу, пытаюсь понять, где же я нахожусь. К великой моей радости, я скоро заметил на другом берегу легкий дымок, поднимавшийся над верхушками деревьев, и крышу, мелькнувшую между елями.

Ну, слава богу, знакомые места! Это мыза Туппенхаука. Хозяин ее работает в том самом имении, где я живу.

Домик весело светился в темноте всеми своими окошками. С трудом, сильно хромая, я перебрался на другой берег, дотащился до двери, толкнул ее и вошел в комнату, облепленный снегом с головы до ног.

— Силы небесные! Кто это? — испуганно вскрикнула старая Берта Туппенхаук и выронила окорок, который она резала, сидя возле печки.

— Добрый вечер, Берта, — сказал я. — Да ты не бойся! Разве ты не узнаешь меня?

Берта всплеснула руками.

— Ах, это вы, господин студент!.. Ну и напугали же вы меня! Смотрю — дверь открывается, и на пороге стоит кто-то белый... А время-то глухое, самая полночь.

Я рассказал ей в двух словах о том, что со мной случилось, и попросил послать кого-нибудь из ее сыновей в имение за лошадью и санями.

— Ну, не правду ли я говорила, что волков лучше не трогать, — проворчала старуха. — Сколько раз предупреждала: не ставьте на волков капканы, не то худо будет! Да мне не верили. А вот и Пер Нордигорен в прошлом году сломал себе ногу, а нынче — вы!.. Теперь небось все поверят старой Берте. Да, уж кто-кто, а волк никому не прощает обиды...

И, бормоча что-то себе под нос, она направилась в угол, где стояла большая кровать. Оттуда по всему дому разносился разноголосый семейный храп. Старая Берта наклонилась над белокурым пареньком, лежавшим с краю, и принялась его будить.

— Вставай, вставай, маленький Ула! Надо сходить в имение за лошадью для господина студента.

— А-а-а! — сладко зевнул маленький Ула и повернулся на другой бок. Он любил хорошо поспать и не видел необходимости отказывать себе в этом удовольствии из-за всяких пустяков. Прошла целая вечность, пока он вздыхал, зевал, что-то невнятно бормотал и протирал глаза.

Наконец он вылез из-под разноцветного тряпья на кровати, натянул штаны, влез в куртку. Но он никак не мог взять в толк, что от него требуется, и только когда ему было обещано несколько монет за труды, в голове у него прояснилось.

Пока Берта вела переговоры с сыном, я осмотрелся по сторонам. Чего только не было в этой хижине! И ткацкий станок, и прялка, и старые колоды, служившие, как видно, вместо стульев, и метлы, и кадки, и полуобтесанные топорища, и куры на насесте, и мушкет на стене, и сохнувшие чулки под потолком, и еще множество самых разных вещей, — всего не перечить.

Выпроводив за дверь парнишку, Берта под села рядом со мной к очагу. Она была в праздничном наряде: синяя кофта, обшитая блестящей шелковой тесьмой, черная юбка в складку, чепец с развевающейся сзади кисеей.

Лицо у Берты было широкое, скуластое, кожа отливала желтизной, раскосые глаза смотрели так, что казалось, они пронизывают насквозь. Увидев ее, каждый сказал бы, что она похожа на колдунью. А что касается жителей округа, так никто в этом и не сомневался.

— Послушай, Берта, уж не ждешь ли ты гостей? — спросил я. — Очень уж ты принарядилась!

— Нет, я никого не жду, — сказала Берта. — Я сама вот только домой вернулась. Знаете, как бывает, — идешь к одному, а по дороге позовут еще пятеро: того лихорадка трясет, этот ногу повредил, у кого ребенка сглазили, у кого лошадь занемогла. А кто поможет? Берта! Всё Берта!

— Скажи, а вывихи и ушибы ты тоже умеешь лечить? — спросил я с самой серьезной миной.

— А как же! Сколько над беднягой Нордигореном мудрили все эти ученые доктора,— сказала Берта с усмешкой,— а на ноги он встал все-таки тогда, когда за дело взялась старая Берта! Если господин студент не гнушается, я могу полечить и его. У меня как раз на такой случай есть наговорная водка.

— Сделай одолжение! Я не сомневаюсь, что только ты мне поможешь,— сказал я. Очень уж мне хотелось выведать ее знахарские хитрости.

Берта подошла к старому, разохшемуся шкафу и достала оттуда пузатую бутылку и рюмку на деревянной ножке.

Наполнив рюмку до краёв, она стянула с моей больной ноги сапог, а потом, наклонившись над рюмкой, стала что-то шептать. А так как она была глуховата, то, сама того не замечая, говорила все громче и громче. Поэтому я от слова до слова услышал таинственное заклинание, которое Берта ни за какие деньги не открыла бы мне, если бы я стал ее просить.

А так как для успеха колдовства это заклинание надо повторить трижды, я его отлично запомнил.

Воздух,¹
Вода,
Земля
И огонь!
Ногу сломал
Необъезженный конь.
Жилы срastутся,
Смешается кровь,
Всё, что разорвано,
Свяжется вновь!¹

¹ Стихи в свободном переводе С. Я. Маршака.

Берта то вставала, то снова садилась, и, повторив заклинание в третий раз, плюнула на все четыре стороны. Потом быстро вылила водку на ушибленное место и стала осторожно растирать мою распухшую ногу.

От холодной водки и от растираний мне сразу стало легче. Чтобы знать эту премудрость, и вправду не надо быть доктором! Но я не хотел огорчать старушку.

— Спасибо, Берта! Кажется, твое заклинание уже помогает,— сказал я.— Может, ты мне выдашь секрет, скажешь, как ты заговариваешь водку?

— Нет, нет, и не просите,— поспешно ответила Берта.— Тому, кто научил меня этому делу, я поклялась страшной клятвой не открывать его тайны ни одному человеку.

— Да кто же это такой был? Верно, настоящий колдун?— допытывался я.

— Колдун не колдун, а с любым колдуном мог поспорить,— ответила Берта.— Это был мой дядя, брат моей матери, Масс. Он умел заговаривать любую болезнь, останавливать кровь и даже находить краденое. Нечего греха таить, случалось ему не только лечить, но и насылать всякие хворости. Вся округа его побаивалась... Да, никто не станет спорить — большого ума был человек! А все-таки и он не уберется от порчи!

— Как так? Расскажи, пожалуйста, если это не тайна,— пристал я к ней.

Старая Берта помолчала с минуту и начала рассказывать.

— Может, вы мне и не поверите,— сказала она, поглядев на меня искоса,— но я своими собственными ушами слышала от дяди Массы эту историю. Случилось это давно, когда я еще девчонкой была. Дядя Масс жил тогда в Кнэ,— знаете, Кнэ, что в Хюрдальской долине? Он был дровосек и часто

ходил в горы рубить лес, да и оставался там по несколько дней подряд.

Для дровосеков это дело привычное. Устроят себе шалаш из сосновых веток, разложат перед входом огонь и спят себе, как дома.

Однажды дядя Масс работал в лесу с двумя товарищами.

Только что повалил он огромное дерево и присел на пень отдохнуть, как вдруг видит: прямо под ноги ему катится большой клубок пестрых ниток. Дядя Масс удивился. В самом деле, откуда в дремучем лесу взяться клубку пестрых ниток? Дядя Масс долго не решался даже дотронуться до него (и лучше бы ему никогда до этого клубка не дотрагиваться!), но что там ни говори, а любопытство все-таки разобрало его. Поглядел он направо, налево, поднял голову вверх и видит, — неподалеку от того места, где он только что повалил сосну, на уступе скалы сидит девушка. Сидит себе и вышивает.

Никогда еще — ни во сне, ни наяву — не приходилось ему встречать такой красавицы. Смотрит он на нее во все глаза и пошевелинуться не может.

А она усмехнулась, повела бровью и говорит таким голосом, будто ручей журчит:

— Что же ты стоишь? Подай мне мой клубок!

Дядя Масс поднял клубок, подал ей, а сам все смотрит, смотрит на нее, глаз не оторвет.

Наконец опомнился, схватил топор и снова принялся за работу. Да какая уж тут работа! Машет топором, а у самого красавица из ума не идет. Наконец не выдержал он и опять глянул наверх. Что за диво! На скале уже никого нет. Исчезла его красавица, будто на крыльях улетела.

Целый день ходил он сам не свой. Все по сторонам оглядывался, красавицу свою искал. И ночью — товарищи его как

легли, так и уснули, а ему не спится. Лежит и все чего-то ждет. И дождался-таки!

Вошла она в шалаш неслышным шагом, взяла его за руку и повела за собой. Даже не спросила — хочет он идти или не хочет. А он идет и сам не понимает зачем, а все-таки идет... Привела она его к каменной горе. Там, в подземной пещере, было ее жилище. Да ведь какое! Дядя Масс говорил, что и слов таких нет, чтобы описать тамошнее богатство!

Три дня прожил в подземном дворце дядя Масс, три дня праздновал свою свадьбу с лесной красавицей.

А на четвертый день проснулся он, открыл глаза, — глядь: лежит он снова в своем сосновом шалаше подле товарищей. И ни красавицы его, ни дворца — ничего нет!

Встал дядя Масс и поскорее взялся за топор. Товарищам ничего не рассказывает. Да и они его не спрашивают. Думают, — верно, кончились у него припасы, он и ходил домой в Кнэ за хлебом да за сыром, вот и всё.

А только с той поры стали они

примечать за ним что-то неладное. Сидит он как ни в чем не бывало у костра, чинит что-нибудь или топор направляет, да вдруг как вскочит ни с того ни с сего и убежит в лес, будто кто его позвал...

А его и вправду позвали,— только другим не слышать.

Воротится он из лесу, сядет где-нибудь в сторонке, подалее от людей. Молчит, смотрит в землю, усмехается. А спросят его: «Да что с тобой, Масс? Где ты был?» — только отвернется да отмолчится — вот и весь ответ. Совсем околдовала его лесная жена...

Однажды рубил он колья для изгороди.

Только что повалил он дерево и забил клин,— да так ловко, что расщепил ствол во всю длину,— вдруг видит: выходит из чащи его красавица. В руках у нее серебряное ведро. И несет она ему в этом ведре похлебку из сметаны. Таковую густую, жирную, вкусную — просто объеденье!..

Уселся он на пенек, поставил перед собой ведро, а жена напротив — на расщепленное дерево присела.

Да не пришлось Массу этой похлебки попробовать. Едва взялся он за ложку, смотрит — что такое? — из щели ствола, на котором сидит его жена, высовывается кончик хвоста... Тут Масса точно громом ударило.

Так вот оно что! Значит, жена-то его попросту — русалка, нечисть лесная!

Вскочил он, вышиб с одного удара клин из дерева и защемил русалочий хвост. Заметалась русалка, как лисица в капкане, оторвала хвост — и бежать.

Он даже глазом моргнуть не успел, а ее и след простыл.

Стоит дядя Масс как вкопанный и только шепчет:

— Сгинь! Пропади! Сгинь! Пропади!

Сколько он так стоял, он и сам не помнил. Потом очнувшись, смотрит: вместо серебряного ведра — перед ним корзина

из бересты, а вместо сметанной похлебки — болотная тина со всякими там пауками, слизняками да головастиками.

С той поры дядя Масс никогда не заглядывал в этот лес. Очень уж он боялся, чтобы русалка в отместку не оборотила его в зверя, в птицу или просто в трухлявый пенёк. Они это умеют.

Прошло пять лет. И вот раз отправился дядя Масс разыскивать пропавшую лошадь. Шел он, шел и забрел в тот самый лес. Сам ли он с дороги сбился, или нечистая сила его заманила, а только попал он в такую чащу, в какой ему отроду бывать не приходилось. Глушь да темь.

И стоит в этой глуши маленькая хижина. От земли до крыши мхом обросла. И кому охота в таких дебрях жить!..

Заглянул дядя Масс в окошко, видит, — хозяйничает в хижине какая-то женщина. Не поймешь — старая или молодая — уж больно безобразна.

Месит женщина какое-то тесто зеленое. А в углу сидит ребенок лет четырех — весь в мать лицом.

И вдруг оставила женщина работу, налила в кружку пива и говорит ребенку:

— Вынеси-ка пива твоему отцу! Вон он там стоит — под окном.

Как услышал это дядя Масс, так и бросился бежать без оглядки. И только тогда дух перевел, когда затворил за собой дверь своего дома в Кнэ и запел ее на засов.

С тех пор дядя Масс никогда уже не ходил в горы и даже из Кнэ навсегда уехал, чтобы только подальше быть от тех мест...

— А все-таки, — закончила свой рассказ старая Берта, — даром это ему не прошло. Так и остался он с той поры и до конца дней своих словно не в себе. Большого ума человек, а с придурью!..

— Да он, может быть, так с придурью и родился, твой дядя Масс из Кнэ,— сказал я.— И уж что там ни говори, а в колдовстве он не много смыслил! Ну что это за колдун, если сам не может уберечься от порчи!

Берта, может быть, и была в душе со мной согласна, но продолжала уверять, что такого умелого знахаря, как ее дядя, и не было и не будет.

Я не стал с ней больше спорить, потому что мне хотелось услышать от нее еще какую-нибудь чудесную историю.

И в самом деле, старая Берта разговорилась.

Я набил трубку, закурил от горящей лучины, которую протянула мне Берта, и приготовился слушать.

— Да, уж если русалки и тролли вздумают обморочить человека,— сказала Берта,— так будьте спокойны, они вам так отведут глаза, что вы самого себя не узнаете. Вот послушайте, что случилось однажды в городке Мельбу.

Как-то летом погнали девушки коров и коз на горные пастбища в Халланд.

Сначала все было хорошо, но через несколько дней скот ни с того ни с сего начал беситься. Сладу с ним никакого не было. Девушки просто из сил выбились, гоняясь за одичавшей скотиной.

Они уж не знали, что им и делать: гнать ли стадо обратно в Мельбу, или звать кого-нибудь на помощь. Но тут к ним на горное пастбище пришла еще одна девушка из их селенья. По всей округе она считалась первой красавицей и была только что просватана.

И что ж вы думаете,— стоило этой девушке показаться в горах, как скотина сразу успокоилась — и коровы, и овцы, и козы. Пасти их стало так легко, что девушка уговорила подруг вернуться домой, а сама вместе со своей любимой собакой осталась в горах присматривать за стадом.

Однажды сидела она после полудня у себя в хижине и пряла шерсть.

Вдруг дверь открывается и входит ее жених.

Девушка удивилась. Она не ждала его в эту пору. А он как ни в чем не бывало садится возле нее на лавку и говорит, что решил не откладывать свадьбу на осень, а справить ее сегодня же, здесь — на горном пастбище. Он уже и гостей позвал — всех родных и соседей.

Девушке бы радоваться, а у нее почему-то на сердце словно тяжелый камень лежит.

А тут уж и гости стали съезжаться. Накрыли свадебный стол, устали его серебром, подали всякие кушанья.

Подружки подвенечное платье принесли и венец с алмазами.

Убрали они невесту как полагается и по старинному обычаю надели ей на голову венец, а пальцы унизали кольцами.

Все вокруг будто знакомые: родня, подруги, соседи, соседки... А девушке почему-то не по себе. И верный ее пес, словно почуял недоброе, — поджал хвост, ворчит, пятится от гостей. А когда невесту усадили за стол, он выскользнул из хижины и опрометью кинулся вниз — в Мельбу.

Прибежал — и давай бросаться от человека к человеку. Лает, дергает всех за полы, тянет за собой. Ну, люди и поняли, что в горах какая-то беда случилась.

Мигом собрались, захватили что под руки попало — топоры, палки, косы — и пошли в горы. А впереди всех — кто бы вы думали? — жених той девушки с ружьем в руках.

Первым на гору взобрался, первым подкрался к хижине да и заглянул в дверную щелку.

И что же он видит? За накрытым столом сидят его родители и соседи — те самые, что следом за ним бегут сюда с пал-

ками да косами. А во главе стола, рядом с невестой, сидит он сам в праздничной одежде. Пьет, ест, смеется...

— Ну, вот видишь,— перебил я Бертю,— а ты говорила, что если русалки и тролли захотят обморочить человека, так он сам себя не узнает. А жених-то ведь узнал, где он, где не он...

— Ну и что ж, что узнал? Зато невеста не узнала, где он, где не он. А это небось похуже,— ответила Берта.— Да вы слушайте, что дальше было.

Парень сразу смекнул, что это горные тролли приняли человеческий образ, чтобы украсть у него невесту.

Недолго думая вскинул он ружье и выстрелил прямо в потолок.

В ту же минуту дверь хижины с треском распахнулась и оттуда прямо ему под ноги покатались какие-то лохматые клубки — один другого больше.

Не помня себя жених ворвался в комнату и увидел свою невесту за свадебным столом в полном подвенечном уборе. Только на пальце у нее не хватало венчального кольца.

Весь стол был уставлен старинной серебряной посудой. А на блюдах и в чашах горами лежала всякая дрянь — ядовитые грибы, пауки, лягушки, змеи...

— Да что тут такое делается? — закричал жених не своим голосом.— И почему ты в подвенечном наряде?

— Но ведь ты сам уговорил меня сегодня венчаться,— отвечает невеста.

— Я? — спрашивает жених.— Да это был такой же я, как эта жаба — свадебный пирог. А вот теперь я — и вправду я.

— Да посмотри — вон и гости, которых ты сам привел,— говорит девушка и показывает за окно.

А там уже весь народ собрался.

Жених только смеется. Я, мол, этих гостей для того-то и привел, чтобы тех гостей прогнать.

Мало-помалу девушка стала понимать, что с ней случилось, и рассказала всем, как отвели ей глаза горные духи...

— Были там и такие люди, которые, как вы, не очень-то верили в дүхов,— посмеиваясь, сказала Берта.— Да хочешь не хочешь, поверишь, когда на столе в простой пастушьей хижине стоит серебряная посуда, а на голове у деревенской девушки сияет алмазный венец.

Не мешкая долго, жених увез свою невесту вниз в Мельбу и, чтобы никакому троллю не взбрело больше на ум украсть у него невесту, в тот же день обвенчался с ней, благо она уже была в свадебном наряде.

Пир был на славу. Невеста сидела за столом в том самом уборе, что принесли тролли. Только на этот раз угощенье было получше, чем пауки да гадюки...

— Да, я слышал где-то эту историю,— сказал я.— Только мне говорили, что это случилось не в Халланде, а в Вальдресе,— прибавил я, чтобы немножко подразнить БERTY.

Но старую БERTY не так-то легко было смутить.

— Так это же совсем не то! — сказала она.— Вы, наверное, думаете про девушку по имени Барбру. Ей тоже горные духи чуть не отвели глаза, только это совсем другая история.

— Какая же? — спросил я.

— А вот какая. Шла Барбру однажды в горах и вдруг слышит такой громкий голос, будто сама гора заговорила:

— Король Хакен! Король Хакен!

— Здесь я! — отвечает голос из другой горы, да такой гулкий, что земля под ногами у нее задрожала.

— Король Хакен, сын мой, не хочешь ли ты жениться? — спрашивает первый голос.

А второй отвечает:

— Только на Барбру!

— Будет по-твоему.

Так оно и случилось. Не успела Барбру шагу сделать, как вдруг одна гора раскрылась и оттуда вышли девушки со свадебным убором в руках. Окружили они Барбру и стали обрядить ее к венцу. А Барбру точно оцепенела, — что ей говорят, то и делает.

Тем временем из другой горы выехали всадники на черных лошадях. Впереди всех ехал сам король Хакен, весь в золоте и серебре.

Так бы и увели тролли бедняжку Барбру в свои подземные пещеры, да на ее счастье неподалеку в горах охотился ее жених.

Потом он рассказывал людям, что ни с того ни с сего стало ему вдруг так тяжело, так беспокойно, будто кто ему на ухо шепнул: «Торопись, не то беда будет!»

Бросился он бежать. Сам не знает, куда бежит, а ноги его несут прямо туда, где его невесту венчают с королем Хакеном.

Прибежал он, видит: стоят черные лошади под старинными седлами, какие-то люди толпятся, праздничные столы готовят. А девушки наряжают Барбру к венцу. Убрали ее как полагается и подвели к своему королю.

— Все готово, — говорят. — Только надо ей глаза отвести.

Тут жених сорвал с плеча ружье, зарядил его — да не пулей, а старинной дедовской пуговицей — и выстрелил прямо в короля Хакена. Тот сразу упал как подкошенный. А в горах застонало, загудело, и вся земля затряслась.

Тролли подхватили на руки своего короля и в один миг исчезли в расселине скалы. А со стола запрыгали лягушки, поползли во все стороны черви да змеи и всякая прочая нечисть. Только подвенечный убор и блюдо из литого серебра так и остались у Барбру. А потом они перешли к ее дочке, а от дочки — внучке. Не верите, — пойдите, сами увидите.

Берта могла бы рассказывать без конца, но в это время за окошком послышался скрип полозьев и фыркание лошадей. Это за мной приехали из имения.

Я распростился с Бертой, поблагодарил ее за рассказы, дал несколько монет за лечение и отправился домой.

Холодные примочки и спиртовые компрессы очень помогли мне. Через несколько дней я опять бегал на лыжах как ни в чем не бывало.

Старая Берта приходила навестить меня. Она нисколько не удивилась, узнав, что я уже здоров, и не без гордости сказала на кухне:

— Что ж, тому, кто знает тайные заклинания дяди Маса из Кнэ, не трудно вылечить ушибленную ногу. Мне и сломанные доводилось лечить...

Тут ребяташки, которым я уже успел рассказать, как лечила меня Берта, окружили ее и со смехом запели:

Воздух,
Вода,
Земля
И огонь!
Ногу сломал
Необъезженный конь.
Жилы срastутся,
Смешается кровь,
Всё, что разорвано,
Свяжется вновь!¹

Старая Берта сначала очень рассердилась и дня три не показывалась у нас в имении. Но в конце концов мы с ней помирились, и она рассказала мне еще немало чудесных историй. Однако уже никогда больше не открывала она мне секретов своего колдовства и не произносила при мне — ни вслух, ни шепотом — таинственных заклинаний дяди Маса из Кнэ.

Давным-давно, когда тролли ходили по земле, словно они тут хозяева, жил в Кваме охотник, по имени Пер Гюнт. Круглый год бродил Пер Гюнт в горах, потому что в те давние времена горы были покрыты густыми лесами, а в лесах водилось всякое зверье.

И вот что случилось с ним однажды осенью.

Скотину с лесных пастбищ давно уже угнали вниз, в долину. Вместе со стадами ушел с гор и весь народ.

Пер Гюнт немало исходил крутых тропинок, выслеживая медведя, и ночь застала его недалеко от брошенной пастушеской хижины в Хевринге.

Тьма была такая, что он не видел даже собственной руки.

Когда Пер подошел к хижине, собаки его ни с того ни с сего принялись лаять, словно они учуяли медведя. Пер Гюнт прислушался. Кругом было тихо. Ни звука, ни шороха.

У самого порога хижины Пер вдруг споткнулся обо что-то большое, скользкое, холодное.

— Кто это? — спросил Пер Гюнт.

— Это я — Кривой, — ответил из темноты голос.

Пер Гюнт мало что понял. Но ему стало не по себе.

Он хотел было подойти к хижине с другой стороны, но едва сделал шаг — опять на что-то наткнулся.

Он наклонился к земле и стал шарить в темноте руками, чтобы узнать, кто же это мешает ему войти в хижину.

Рука его коснулась чего-то холодного, скользкого.

— Кто же это? — опять спросил Пер Гюнт.

— Да всё я, Кривой, — раздался голос.

Тут Пер Гюнт догадался, что это тролль, который змеей улегся вокруг хижины.

— Кривой ты или еще какой,— смело сказал Пер Гюнт,— а посторонись-ка да пропусти меня в хижину.

Живое кольцо зашевелилось, раздвинулось, и Пер Гюнт, перешагнув через него, открыл дверь.

В хижине было не светлее, чем на дворе. Пер Гюнт пробирался ощупью, держась за стенку, и вдруг снова споткнулся обо что-то холодное, скользкое, влажное.

— Да кто это? — закричал Пер Гюнт.

— Все тот же Кривой,— услышал он в ответ.

«Нехорошо здесь оставаться,— подумал Пер Гюнт.— Но я сейчас выпрямлю этого кривого. Будет меня помнить».

Он снял с плеча ружье и вышел из хижины.

— Так ты говоришь, что ты Кривой?

— Я самый Старший Кривой из Этнедаля,— с гордостью сказал тролль.

По его голосу Пер Гюнт сообразил, где голова этого тролля, и, не мешкая, выстрелил ему в лоб три раза.

— Стреляй еще раз,— захрипел тролль.

Но Пер отлично знал, что, если он выстрелит еще раз, пуля вернется к нему и пробьет голову ему самому.

— Хватит с тебя и трех пуль,— сказал Пер Гюнт и вместе с собаками оттащил мертвое чудовище подальше от хижины.

А по горам со всех сторон прокатился гром, вой, визг.

На другое утро Пер Гюнт снова отправился на охоту. Взбираясь на гору, он увидел девушку, которая гнала вниз стадо коров.

«Странно, что не весь скот еще увели»,— подумал Пер.

Он пошел навстречу девушке, но она—прямо у него на глазах—вдруг исчезла, коровы тоже исчезли, а вместо них Пер увидел целое стадо медведей.

«Неужто я обознался? — подумал Пер Гюнт. — Медведей за коров принял. Да и не слышал я никогда, чтобы медведи ходили стадами».

Он подошел еще ближе, и тут стадо как сквозь землю провалилось, а прямо перед Пером, раскачиваясь из стороны в сторону, стоял один медведь — косматый, огромный, с оскаленной пастью.

В это время откуда-то из глубины горы послышался глухой голос:

— Смотри! Идет Пер Гюнт со своей огненной палкой. Спасай скорее теленка! Не то плохо ему будет!

— Плохо будет не теленку, а Перу, потому что он сегодня не мылся, — ответил такой же глухой голос из другой горы.

И сейчас же кругом все захохотало, как будто сами горы смеялись над Пером.

Не теряя времени, Пер Гюнт открыл свою фляжку с водой, наскоро вымыл руки и выстрелил. Медведь упал, а в горах опять застонало, загудело, загрохотало.

Когда всё утихло, Пер Гюнт снял с медведя шкуру вместе с головой, тушу завалил камнями, шкуру взвалил на спину и пустился в обратный путь. Он шел, зорко поглядывая по сторонам. Ведь тролли могут прикинуться кем угодно — и зверем, и змеей, и человеком. На то они и тролли!

Не дойдя немного до хижины, Пер Гюнт увидел на дороге песка.

— Посмотри на моего ягненка, какой он откормленный, — сказал чей-то голос из-под земли.

— Лучше посмотри на Пера, — ответил другой голос. — Видишь, он опять поднял огненную палку?

И правда, Пер уже вскинул ружье. Выстрел — и мертвый песок растянулся на земле...

В горах снова зашумело, загрохотало, завывало. А Пер Гюнт снял с песца шкуру и пошел дальше.

Скоро он добрался до хижины. Головы медведя и песца он повесил над входом, накрепко закрыл за собой дверь, развел огонь в очаге и принялся варить суп.

Но дым от огня валил такой, что слезы ручьем текли у Пера из глаз. Пришлось ему открыть потайное окошечко — наверху, под самым потолком хижины.

И вот что случилось. Едва Пер отворил окошечко, как тролль просунул в него свой нос. А нос у него был такой длинный, как хороший багор.

— Как тебе нравится мой нос? — спросил тролль.

— А как тебе нравится мой суп? — спросил Пер и выплеснул весь горшок с похлебкой ему на нос.

Тролль завывал, застонал и отскочил от окошка.

А в горах так и покатались камни от громового хохота.

— Тролль с ошпаренным носом! Тролль с ошпаренным носом!

Наконец всё стихло.

Только что Пер Гюнт принялся снова варить себе ужин, как вдруг через печную трубу хлынула вода и огонь погас.

— Теперь Перу придется не лучше, чем трем пастушкам, что остались в Вале, — сказал голос за стеной.

И опять стало тихо.

«Вот оно что! Значит, из Вале не все ушли», — подумал Пер.

Он выбрался из хижины, кликнул собак и пошел к северным склонам гор, туда, где в маленькой хижине жили вальские пастушки.

Ночь была черная, как мешок угольщика.

Пер Гюнт пришел как раз вовремя. Четыре тролля были уже у самых дверей хижины. Этих молодцов звали: Густ-

Воздушный Вихрь, Валь-Горный Владыка, Тьестель-Водяной Поток и Рольф-Огненный Столб.

Пер вскинул ружье и не целясь выстрелил. На этот раз его пуля никого не задела. Но едва только раздался выстрел, как Густ-Воздушный Вихрь закружился на месте и помчался куда глаза глядят. Да и остальные тролли попятились назад.

А Пер тем временем бросился в хижину.

Девушки хоть и были живы, но от страха дрожали с ног до головы. Пока Пер Гюнт их утешал да успокаивал, тролли тоже набрались храбрости.

Рольф-Огненный Столб от злости совсем распалился и готов был превратить хижину — вместе со всеми, кто там был — в пепел.

Но собаки Пера не дремали. Они бросились на Тьестеля-Водяной Поток и опрокинули его прямо на Огненный Столб. Оба тролля так и зашипели!

Тьестель-Водяной Поток пополз вниз по склону горы и под конец сорвался в глубокое ущелье.

А Рольф-Огненный Столб едва живой вырвался через печную трубу и, припадая на обе ноги, убрался восвояси.

Остался последний, — Валь-Горный Владыка.

— Берегись, Пер! — закричал он, да так, что горы зашатались и каменный дождь забарабанил по хижине.

— Лучше ты берегись, — ответил Пер Гюнт и тремя выстрелами из ружья убил тролля.

Когда со всеми троллями было покончено, пастушки стали просить Пера Гюнта проводить их домой. Они не хотели оставаться в этих местах лишнюю минуту. Пер вместе с ними спустился в долину и довел до того самого селения, где они жили.

Там Пер Гюнт простился с вальскими пастушками.

Но с троллями ему пришлось встретиться еще раз.

Перед Новым годом Пер Гюнт услышал, что есть в Довре мыза, где в новогоднюю ночь любят собираться тролли. Ну, а людям, уж конечно, приходится от таких гостей уходить подальше.

И вот Пер Гюнт решил встретить Новый год на этой мызе. Очень ему хотелось еще раз проучить троллей.

Он вымазал лицо сажей, нарядился в какое-то рваное тряпье, так что его самого могли бы принять за тролля, взял с собой белого ручного медведя, целую свиную кожу, шило, дратву и отправился в путь.

Он постучался в дом, куда повадились ходить тролли, и попросил у хозяина приюта.

— Где же мы тебя приютим, когда тролли нас самих из дому выживают?

— А если пустите меня, я, может быть, выживу троллей из вашего дома,— сказал Пер Гюнт.

Так и порешили. Хозяева ушли, а Пер Гюнт остался у них в доме.

Медведь улегся за печкой, а Пер принялся шить из свиной кожи башмак. Такого большого башмака никто еще не видывал. В дырочки Пер продернул просмоленную веревку, чтобы можно было крепко затянуть башмак, да еще вырезал из кожи хороший ремень.

В полночь явились тролли. Одни занялись приготовлением новогоднего ужина — жарили лягушек, ящериц, пауков и прочую дрянь, другие плясали и кувыркались. Словом, все чувствовали себя как дома. На Пера тролли и внимания не обратили: он был совсем им под стать — такое же страшное лицо.

И вдруг кто-то из троллей увидел башмак. Сейчас же все захотели мерить его. Каждый совал в него свою ногу,

и когда все тролли были одной ногой в башмаке, Пер быстро затянул веревку. Тут и Мишка вылез из-за печки.

— Не хочешь ли отведать мяса, белая киска,— сказал один тролль и, изловчившись, бросил лягушку с раскаленной сковороды прямо медведю в пасть.

— Попробуй, попробуй их мяса!— сказал Пер и подмигнул медведю: принимайся, мол, за них!

А медведь и сам знал, что ему делать. Как начал он драть да полосовать троллей! И Пер от него не отстает — что есть силы лупит троллей кожаным ремнем.

Едва живые вырвались тролли из ловушки и убежали, проклиная и Пера, и его башмак, и его белую киску.

С той поры тролли даже не подходили к этому дому.

Много лет спустя, незадолго до Нового года, отправился хозяин в лес — запастись дровами на праздник.

И вдруг видит,— идет ему навстречу тролль.

— Что,— спрашивает,— жива еще твоя белая киска? Может, хочет, чтобы мы опять ее угостили?

— Милости просим,— отвечает хозяин,— только побольше приносите угощения. У моей киски народилось семь детенышей, так они еще сильнее, чем сама белая киска. Да и нравом злее...

Услышал это тролль — и давай бежать.

— Нет уж, ты нас больше не увидишь!— кричит.

И верно, никто больше не видел здесь троллей.

ЛОВЛЯ
МАКРЕЛЕЙ

Я вырос у моря. Там, среди волн, я провел на скалистых островах — шхерах — свое раннее детство.

Моя родина славится хорошими моряками, и в этом нет ничего удивительного, — здесь привыкают к морю с младенческих лет.

Едва дети научатся ходить, они уже карабкаются по утрам на прибрежные скалы и часами смотрят, как меняется море.

Они еще бегают в одних рубашонках, а уже могут сказать, какую погоду обещает море: пососут палец, потом поднимут его и знают, — с той стороны, где палец тронет холодком, оттуда и жди ветра.

А чуть только они в силах поднять весло, они уже в лодке, уже начинают опасную игру с морской стихией.

В юности я часто выходил в море с одним лоцманом, моим земляком. Это был самый смелый моряк, какого я знал в жизни. Часы, которые я провел вместе с ним, навсегда останутся самыми счастливыми в моих воспоминаниях.

То, бывало, в легкой лодке мы охотились среди шхер за утками, гагами и тюленями, то на паруснике уходили далеко в море ловить макрелей.

С того времени море всегда неудержимо тянет меня к себе.

Но я не собираюсь предаваться мечтам о прелести морской жизни. Лучше я расскажу одну историю, которую я слышал от моего старого друга лоцмана, а теперь хочу поведать вам.

Года три тому назад я приехал к себе на родину. Вместе с моим старым другом мы провели несколько дней в море, возле самых далеких шхер.

Мы плыли на большом парусном судне. Команда состояла из Расмуса Ольсена (так звали моего друга), лоцманского юнга и меня.

Однажды на рассвете мы вышли в открытое море, чтобы ловить макрелей.

Слабый ветерок с берега не мог разогнать тяжелый туман, окутывавший шхеры и голые скалы.

Вокруг нас с хриплым тревожным криком летали чайки, пронзительными голосами перекликались ласточки, а касатки, словно смеясь над кем-то, выкрикивали свое «клик, клик!»

Серо-свинцовое море было спокойным, и только изредка его застывшую гладь разбивал чистик, нырок или стонущий тюлень.

Расмус сидел у руля, а юнга то и дело перебегал с носа на корму, с кормы на нос.

Мой друг Расмус Ольсен был высокий, широкоплечий человек. Лицо его — загорелое, обветренное — казалось простым и добродушным, но во взгляде его серых умных глаз было что-то строгое и пристальное. Так смотрит человек, который привык встречать в жизни опасности.

Когда он сидел — огромный, коренастый — на корме, в своей зюйдвестке, натянутой на самые уши, в широкой серо-желтой куртке, окутанный утренним туманом, казалось, что это не обыкновенный человек, а викинг, появившийся, как привидение, из старинных легенд.

Правда, викинги не курили табака, а Расмус Ольсен пользовался им в свое удовольствие.

— Ветер совсем слабый, — сказал Расмус, поглядывая по сторонам и извлекая из глубокого кармана маленькую дощерна обкуренную глиняную трубку. — Берестяную лодочку и то не перевернет... Вчера вечером, на закате, облака ка-

кой ветер сулили! А сейчас и зюйдвесткой ветер не собрать, не то что парусом!

— Впереди как будто проясняется,— сказал юнга. Он работал веслом на правом борту, чтобы лодку не относило течением к западу.

— Какое там проясняется! — проворчал Расмус.— Ветра не будет, пока не поднимется солнце. А уж тогда его будет больше, чем нам нужно.

Однако скоро потянуло свежим ветерком, так что мы могли отложить весла, и наше судно быстро заскользило навстречу открытому морю.

Туман как будто растаял, и мы теперь различали в голубоватой дымке берег и скалистые островки. А впереди лежало бесконечное море, чуть красноватое под лучами утреннего солнца.

И чем выше поднималось солнце, тем яснее становилось небо, тем свежее задувал ветер с моря.

И вот, наконец, потянул настоящий макрельный ветер.

Скоро мы и вправду напали на косяк макрелей.

Мы закинули удочки и одну за другой стали вытаскивать этих серебристых обитателей моря.

Но радость наша, как всегда, была недолгой.

К середине дня ветер окреп. На море поднялась волна. Удочки пришлось убрать, потому что грузила выбрасывало на поверхность и они прыгали на волнах, как щепки. Шквал то и дело обрушивался на нашу скорлупку, обдавая соленой водой и пеной паруса и мачты.

Юнга сидел в большом люке и от нечего делать болтал ногами. Иногда он заглядывал в каюту — посмотреть на часы, которые хранились в большом красном корабельном сундуке.

— Всё любуется на свои часы и сундук, — сказал Расмус, хитро подмигивая мне. — Да и то сказать, — он не зря ими дорожит. Если бы не эти часы и сундук, лежать бы ему теперь на дне моря и кормить рыб.

— Как же так? — удивился я. — Как это часы и сундук спасли его? Расскажите-ка мне, как это случилось.

— Ну, слушайте, коли охота, — сказал Расмус. — Случилось это в прошлом году в октябре. Сильный шторм застал нас, меня вот с этим морским волком, — он показал на юнгу, — в открытом море. Я едва удерживал наше суденышко. И вдруг вижу — идет голландец, голландское, значит, судно. Стал я подавать знаки, чтобы нас взяли. Гоню парня вперед, чтобы первым на голландца переходил, а он чего-то копается, что-то ищет. Ну, а тут накатило на наше суденышко огромный вал и смыл меня. Уж не помню, как меня вытащили. Открыл я глаза, а моей лодки уже не видно. Говорят, перевернулась она, накрыла моего юнгу — вот этого самого пострела — и пошла ко дну. Я и жизни не рад был. Думаю, как же я на берег без него вернусь?.. А знаете, кого я увидел первого, когда на землю ступил? Его, моего юнгу. Держит в руках свои часы и говорит:

— А часы я все-таки спас! И они даже идут!

— Скажи спасибо, что сам спасся, — говорю я ему. — Ну а лодку нечего жалеть, хоть и стоила она мне двести пятьдесят талеров. И паруса еще были новехонькие!..

Вы спросите, как он спасся? А вот как... Ведь недаром говорят: кому на роду не написано, тот не утонет. Да, да, так оно и есть. Так вот представьте себе — впереди нас шел бриг. Вдруг команда слышит — кто-то кричит. Матросы туда-сюда — никого нет. А крик слышен. Наконец подбежали к носу и видят — на волнах прыгает, как мячик, сундук, на

сундуке сидит мой юнга и в одной руке держит над головой свои часы, чтобы водой их не замочило.

Ну, капитан дал сигнал рулевому: «Задний ход!» — чтобы моего мореплавателя не опрокинуть, и матросы бросили ему канат. Обвязал он этим канатом сундук, да так, вместе с сундуком, его и вытащили на палубу.

Пока Расмус рассказывал, юнга сидел с самым безразличным видом, словно это его не касается, и по-прежнему болтал ногами.

Между тем ветер стих, и мы снова принялись удить рыбу.

Но Расмус все время поглядывал на небо и недовольно качал головой.

— На юге опять что-то собирается,— сказал он, раскуривая свою трубку.— Утренний ветерок — это только закусточка. Увидите, нам еще хорошо достанется! Даже рыба это знает — не клюет больше. И птицы, слышите, как испуганно кричат? Да, к вечеру разыграется чертовская погода...

В это время у самого борта вынырнул дельфин.

— Поглядите-ка на этого нахала,— сказал Расмус.— Под самым носом вертится. Говорят, что тролли часто принимают вид дельфинов и морочат моряков, пока не потопят лодку...

За разговором о троллях и всякой нечистой силе, которая губит в море людей, я вспомнил, что слышал в детстве какую-то фантастическую историю о трех ведьмах.

Я спросил Расмуса, не знает ли он что-нибудь про этих трех ведьм.

— Как же мне не знать! — сказал Расмус.— Да ведь и вы про них, верно, от меня слышали. А рассказывал мне эту историю один старик, когда я был мальчишкой. Он уверял, что вся эта история случилась не то с его дедом, не то с пра-

дедом, который ходил юнгой на корабле. Нынче над такими рассказами только смеются, вроде как над охотничьими, а в старые времена в них всякий верил. Ну, слушайте. Хотите верьте, хотите нет, а дело было так.

Плавал этот юнга все лето с одним шкипером на корабле, который доставлял в разные города всякий груз.

И вот когда они должны были отправляться в последний рейс — было это осенью, в самое ненастье, — юнгу точно подменили. Ходит сам не свой, о плаванье и слышать не хочет.

Шкипер очень любил своего юнгу, потому что, хоть и был тот совсем молод, а морское дело знал отлично.

Всякую работу делал он легко, весело, одним словом, шкипер был без него, как без рук.

И вдруг юнга наотрез отказывается идти в море!

С трудом уговорил его шкипер остаться на корабле, пока идет погрузка.

И вот однажды, когда команда была отпущена на берег, а шкипер отправился закупать лес и доски — уж, верно, он перепродавал их с выгодой! — юнга остался на корабле один.

Сидит он в своей матросской каюте и слышит, что в трюме кто-то разговаривает.

Поглядел он в щель, — а там три черные как уголь вороны. Ругают они кого-то на все корки, да не на вороньем, а на человеческом языке.

Юнга так и замер. Он сразу смекнул, что это ведьмы, обернувшиеся воронами.

— А нас никто не слышит? — сказала вдруг одна ворона.

И по голосу ее юнга понял, что это жена шкипера.

— Кто же нас может услышать? — сказала другая.

— На всем судне нет ни единой живой души, — сказала третья.

Юнга и этих по голосу узнал. Это были жены штурманов.
— Ну так вот что я вам скажу,— заговорила жена шкипера.— Пора нам избавиться от наших мужей. Слушайте, что мы сделаем.— Она подпрыгнула поближе к своим подругам и заговорила тише: — Мы обратимся в три огромных волны, смоем наших муженьков за борт, а потом и корабль со всей командой потопим.

— Это ты хорошо придумала,— сказали ее подруги.

И они принялись втроем обсуждать, в каком месте лучше всего потопить корабль. А так как они были женами моряков, они прекрасно разбирались, где проходит фарватер, где какое дно, где какая глубина.

— А вы уверены, что нас никто не слышит? — опять спросила жена шкипера.

— Да ты же сама знаешь, что на корабле никого нет. Чего ты так боишься? — успокаивали ее штурманские жены.

— Боюсь потому, что как мы ни сильны, а есть сила, которую и нам не одолеть, — сказала жена шкипера.

— Что же это за сила? — спросили ее подруги-вороны.

— А нас никто не подслушивает? Мне кажется, что в каюте кто-то дышит, — опять сказала жена шкипера.

— Да ведь мы осмотрели все углы — на корабле нет ни одного человека. Ну, говори, говори! Что ты знаешь? Что может нам грозить?

— Вот что. Если кто купит, не торгуясь, три сажени дров и выбросит — полено за поленом — на каждую волну по одной сажени, тогда нам конец.

— Но ведь никто же про это не знает, — сказали штурманские жены. — Так что и бояться нам нечего.

Они громко засмеялись, закаркали и вылетели из трюма.

Когда наступил день отплытия, шкипер снова стал уговаривать юнгу идти с ним.

— Может, ты боишься осенних штормов? У печки, возле юбки матери, конечно, спокойнее, — говорил он, чтобы подзадорить юнгу.

Нет, юнга ничего не боялся. И он, пожалуй, согласен идти в плаванье, чтобы доказать шкиперу, что он не какой-то ленивый краб, а настоящий моряк. Но вот какое он ставит условие: шкипер должен купить, не торгуясь, три полных сажени березовых дров и на один день уступить юнге командование кораблем. А в какой день — это он потом скажет.

— Да где это слыхано, чтобы юнге доверяли командовать кораблем! — рассердился шкипер. — Нечего глупости выдумывать!

Но юнга стоял на своем. Или будет так, как он сказал, или он остается на берегу.

В конце концов шкипер согласился, — очень уж ему не хотелось расставаться со своим юнгой.

А сам подумал: «Ладно, мы еще ему мозги прочистим, когда выйдем в море!»

И первый штурман подумал: «Пусть себе командует! А если сдрейфит,— мы его проучим!»

И у второго штурмана на уме то же самое.

И вот дрова были куплены, заплачено за них было ровно столько, сколько спросил продавец, и судно отчалило от берега.

Море, против ожидания, было тихое, спокойное, и шкипер то и дело посмеивался над юнгой.

— Погода-то как по заказу для нашего нового командира!

На третий день юнга сказал, что сегодня он берет командование кораблем на себя.

Море было по-прежнему тихим, небо — ясным. Но юнга приказал команде крепить паруса.

Ну и смеялись над ним шкипер и все матросы!

— Вот это командир! А когда налетит ветер, он, верно, прикажет распустить паруса! Что — все убирать? Или один парус можно оставить?

— Пока можно оставить, а скоро и последний придется убрать,— невозмутимо ответил юнга.

И вдруг среди ясного дня — никто глазам своим не верил — налетел шквал. Да такой сильный, что корабль едва не опрокинулся. И если бы паруса не были убраны, всем пришел бы конец.

Теперь уже никто не посмеивался над юнгой.

В страхе смотрели все на огромный водяной вал, который шел прямо на корабль и грозил накрыть его до самой мачты.

А юнга стоял на мостике и спокойно ждал приближения волны. Когда волна была уже совсем близко, юнга приказал выбрасывать за борт — полено за поленом, и непременно по одному, а не по два — первую сажень дров.

Команда без лишних слов бросилась выполнять его приказание.

И едва только последнее полено было выброшено, где-то рядом послышался чей-то предсмертный стон.

Потом все стихло.

Море успокоилось. Шквал улегся.

— Ну, пронесло!— вырвалось у команды.

— Ты спас корабль и всем нам спас жизнь,— сказал шкипер.— Я говорю это теперь и скажу это на берегу.

— Еще рано говорить о спасении,— сказал юнга.— Нас ждут испытания похуже этого.

И он приказал крепить все паруса до последнего.

Второй шквал был еще сильнее, чем первый. Никто больше не надеялся на спасение. Но когда уже казалось, что все пропало, и волна высокая, как гора, была совсем рядом, юнга приказал выбрасывать за борт вторую сажень дров — полено за поленом.

И снова все услышали протяжный стон. А потом все стихло.

— Теперь нам надо выдержать третий шквал,— сказал юный капитан.— Он будет самым свирепым. Становитесь все по местам!

И верно, третий шквал был такой, что первые два казались теперь детской забавой.

Можно было подумать, что все море обрушилось на бедное суденышко.

И опять юнга приказал выбрасывать третью сажень дров, и непременно по одному полону.

Когда последнее полено было выброшено за борт, тяжелый, хриплый стон послышался над морем... Потом все стихло. Волнение в море улеглось. Только волны стали красными, словно от крови.

А корабельная команда долго еще не могла успокоиться. Пока не пришли в гавань, только и было разговору, что о трех шквалах.

— И как это наш юнга догадался, что страшные волны можно забросать дровами? — дивились все.

Но юнга помалкивал.

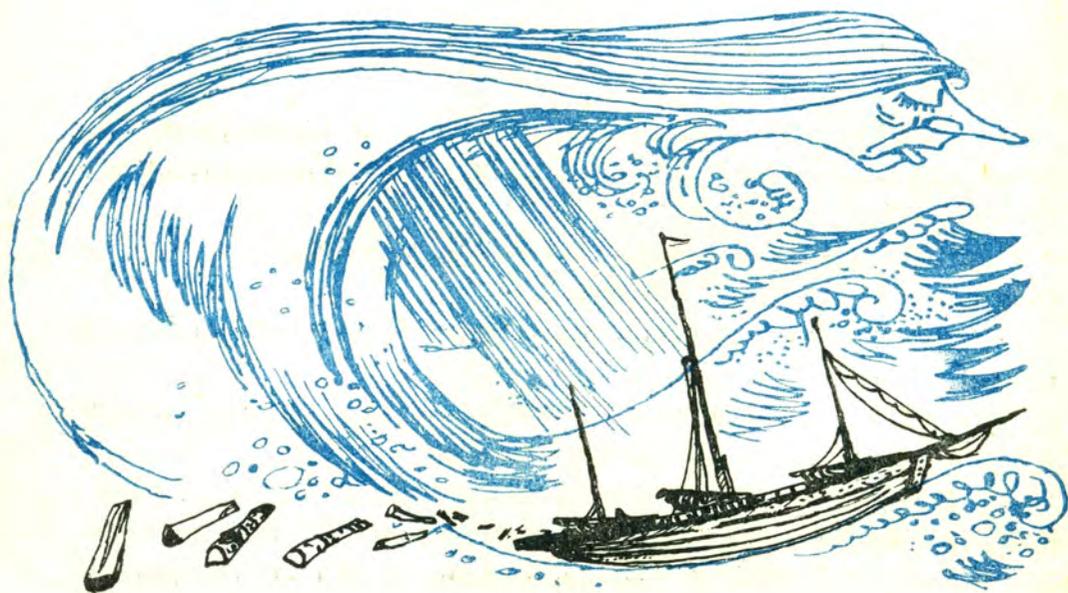
Обратный путь был легкий. Корабль хоть и покачивало, но никто не обращал на это внимания.

Наконец открылся родной берег.

— Верно, наши жены ждут не дождутся нас, — сказал шкипер.

— Может, тот шквал дошел до самого берега, — сказал первый штурман. — Так наши жены тоже страху нагерпелись.

— Эх, скорее бы их увидеть, — вздохнул второй штурман.

— Не увидите вы их больше,— сказал юнга, слышавший этот разговор.

— Ты что болтаешь, что каркаешь? — накинулись на него шкипер и оба штурмана.

— Я-то не каркаю, а вот ваши жены и вправду хотели беду вам накаркать.

И он рассказал обо всем, что видел и слышал в тот день, когда остался на корабле.

И правда, вернувшись домой, ни шкипер, ни штурманы не застали своих жен.

Никто не мог сказать, что с ними случилось. В последний раз их видели накануне бури, она бушевала и на берегу. Может, по неосторожности они во время бури и погибли? Кто знает, может, и так.

Пока Расмус рассказывал эту историю и много еще других, столь же увлекательных и столь же неправдоподобных, наступил вечер.

Темные, низкие тучи заволокли небо. Приближалась гроза.

Молнии то падали прямо в море, то извивались змеей, и тогда над непроницаемой завесой облаков вспыхивала огненная бахрама.

Гроза была еще далеко.

Удары грома едва доносились до нас, море катило светлую, спокойную волну. Но вспышки молний и багровые лучи заходящего солнца окрашивали море в кроваво-красный цвет.

Нам было ясно, что бури нам не избежать.

При последних лучах солнца мы увидели вдали у горизонта черную полосу. Еще немного — и на волнах появилась белая кайма взбитой пены.

Нас окружали гроза и ночь.

И вот ветер усилился. Наша лодка понеслась как стрела.

Скоро мы уже были у крайних шхер.

При свете молнии мы видели, как высокие пенистые волны бьются о берег, и гул прибоя звучал в наших ушах словно гром.

Расмус зорко всматривался в темноту, что-то в ней отыскивая, а я не мог различить ничего, кроме белой полосы пены, к которой мы неумолимо приближались.

Наконец и я различил маленькую черную точку,— это был узкий пролив. Мы проскочили его и вошли в тихую гавань, защищенную от ветра и непогоды высокими скалами.

КАК
ДВА МАЛЬЧИКА
ВСТРЕТИЛИ В
ХЕДАЛЬСКОМ
ЛЕСУ ТРОМБЕЙ

Когда-то давно в местечке Вог, в Гудбранской долине, жил один бедный человек со своей женой. Детей у них было так много, что на всех не хватало похлебки и каши.

Поэтому старшим двум мальчикам часто приходилось бродить из деревни в деревню, чтобы заработать или выпросить себе кусок хлеба.

Так, странствуя с мешком за плечами, узнали мальчики все горные дорожки и лесные тропинки.

Однажды они собрались идти в Хедальский лес. Они слышали, что птицеловы, охотники на соколов, построили там, недалеко от местечка Мэл, хижину.

Мальчикам захотелось посмотреть на птиц и, если удасться, разузнать, как их заманивают и ловят.

Братья знали самый короткий путь в Хедаль. Они свернули с проезжей дороги и пошли напрямик через лесную чащу.

Дело было поздней осенью, когда леса и горы становятся безлюдными.

Девушки, которые летом пасут на горных пастбищах скот, в эту пору уже дома, греются перед печкой, прядут шерсть, только что снятую с овец, да вышивают себе приданое, а их пастушьи избушки в горах стоят пустые и заколоченные. Так что мальчикам негде было ни поесть, ни передохнуть в пути.

Осенний день недолог. Едва протоптанная тропинка была чуть видна, и скоро мальчики ее совсем потеряли.

Пока они разыскивали тропинку, стало темнеть. Хижины птицеловов нигде не было видно. Мальчики были одни в дремучей чаще Хедальского леса.

А тьма кругом сгущалась все больше и больше.

Наступила ночь.

Мальчики подумали-подумали и решили, что до рассвета им отсюда никак не выбраться. Надо ночевать в лесу.

Они набрали целую кучу хворосту и шишек и развели костер. Потом маленьким топориком, который был за поясом у старшего брата, нарубили еловых ветвей и смастерили из них шалаш. Постель они устроили себе из вереска и мягкого мха, благо и того и другого вокруг было более чем достаточно.

После этого они улеглись поближе друг к дружке, чтобы было потеплей, и сразу же уснули, потому что порядком устали за день.

Неизвестно, сколько они проспали, час или два, но вдруг они разом проснулись, словно их кто разбудил.

Высокие сосны над их головами гнулись и шумели, как во время бури.

А над вершинами сосен что-то тяжело пыхтело, сопело, фыркало...

Кто это — какой-нибудь огромный страшный зверь или, еще того не легче, лесной дух, тролль?

Мальчики так и замерли.

В это время где-то над соснами раздался треск, будто гром прокатился по небу, и голос скрипучий, как сырое дерево, сказал:

— Человеком пахнет!

Тут земля словно дрогнула и послышались чьи-то шаги. Шаги были такие тяжелые, что от них раскалывались камни, а корабельные сосны дрожали с верхушки до самого корня.

— Тролли! — сказал старший мальчик младшему.

— Ох, боюсь!.. Что же нам делать? — сказал младший.

— Стань здесь под сосной,— сказал старший,— и чуть тролли подойдут сюда, хватай наши мешки и удирай что есть духу. А я возьму топор и останусь здесь. Может, и не пропадем.

Не успел он это сказать, как старые деревья возле них раздвинулись, словно мелкий кустарник, и появились тролли.

Они были огромные—выше самых высоких сосен— и шагали след в след, положив на плечи друг другу свои ручки.

Их было трое, но глаз у них был только один. Один-единственный глаз был у них на всех троих, и они по очереди вставляли его в глазную впадину, которая была на лбу у каждого.

Сейчас круглый, светлый, как луна, глаз сиял во лбу у переднего тролля. Он был поводырем, а другие двое шли за ним.

— Беги!— шепнул старший брат младшему.— Но не слишком далеко. Спрячься вон там, в буреломе, и посмотри, как я с ними разделаюсь. Они глядят поверху, да еще одним глазом. Где им разглядеть, что делается у них под ногами!..

Младший бросился бежать, а тролли двинулись за ним.

Тут старший мальчик выскочил из-за деревьев и, размахнувшись изо всех сил, ударил своим топориком по пятке того тролля, что шел позади.

Троль прямо взревел от боли. Он закричал таким страшным голосом, что поводырь даже вздрогнул и выронил из глазной впадины свой драгоценный глаз.

Мальчик ловко подхватил его на лету и был таков.

Глаз был величиной с глиняный горшок и светлый, как месяц в полнолуние.

Мальчик посмотрел сквозь него и увидел все вокруг ясно-ясно: каждый куст вереска, каждую сосновую шишку, каждый камешек на земле. Как будто сейчас была не черная ночь, а белый день.

А тролли стояли, боясь пошевелиться, испуганные, слепые, и не могли понять, что с ними случилось.

Наконец они догадались, что кто-то украл их единственный глаз.

Они стали рычать, браниться, шарить среди сосен и елей длинными узловатыми пальцами, но так и не могли поймать мальчика.

— Я не боюсь вас, тролли,— крикнул он смело.— У меня одного теперь три глаза, а у вас троих — ни одного. И у меня есть еще топор. Раньше, чем вы поймаете меня, я изрублю вас на куски своим топором, как сухое дерево.

— Берегись, мальчишка! — закричали тролли.— Отдавай наш глаз, а не то мы превратим тебя в камень или пень.

— Ну что ж,— сказал мальчик,— это ваше колдовское дело. Но все равно вы уже никогда не получите своего глаза.

Тролли замолчали,— они поняли, что этого мальчика им не запугать никакими угрозами, и решили поладить с ним добром.

Они обещали ему и золота, и серебра, и всего, чего он только ни пожелает, если он вернет им глаз.

Мальчику это понравилось.

— Хорошо! — сказал он.— Сходите к себе домой и принесите сюда столько золота и серебра, чтобы мы с братом доверху набили наши дорожные мешки. Да, кроме того, привезите для нас по хорошему стальному луку. Тогда я вам отдам ваш глаз. А до тех пор не видеть вам ни глаза и ничего другого.

Тролли заскрипели зубами от злости.

— Негодный мальчишка! — сказали они.— Как же мы доберемся до дому без нашего глаза?

— А это уж ваше дело. Вы же умеете колдовать!

Тогда тролли по очереди принялись звать свою хозяйку.

И вот издалека, из-за гор, отозвался чей-то голос, похо-

жий на вой осеннего ветра. Это лесная хозяйка, старая троллиха, услышала, что ее зовут, и откликнулась.

Один из троллей сложил руки трубой и крикнул через реки и горы, чтоб она поскорей принесла в Хедальский лес два стальных лука и два полных ведра серебра и золота.

Прошло немного времени, и земля загудела, зашумели, затрещали деревья. Это лесная хозяйка прибежала на зов троллей с луками и ведрами, полными золота и серебра.

Узнав в чем дело, она так рассердилась, что выдернула с корнями большую сосну и переломила ее о колено, словно это была не столетняя сосна, а сухой прутик. Потом она вырвала у себя из головы длинный зеленый волос и стала им, как веревкой, ловить мальчика.

Но тролли, которым хотелось поскорей получить назад свое сокровище, стали уговаривать ее не трогать этого мальчишку. Он жалит, как оса, а хитер так, что, чего доброго, выдумает какую-нибудь новую уловку и отнимет глаз и у нее.

Лесная хозяйка зарычала, как разъяренная медведица, но не стала спорить. Она швырнула на землю два стальных лука и оба ведра — с золотом и серебром — и побежала обратно в горы, перепрыгивая на бегу через ели и сосны.

А тролли стояли перед мальчиком и протягивали к нему свои узловатые руки.

— Ну отдай же! Отдай!..— говорили они.

— Ладно, берите!— сказал мальчик и отдал троллям их глаз.

Они засмеялись от радости и, сотрясая землю, побежали вслед за лесной хозяйкой.

Когда тролли скрылись за горами, из-за гор выплыло солнце.

Мальчики набили мешки золотом и серебром, вскинули за плечи стальные луки и, прихватив новые ведра из блестящей меди, весело зашагали домой.

С тех пор никто никогда не слышал, чтобы тролли бродили в Хедальском лесу.

ЗАМОК
СОРНА-МОРИА

В одной деревне жил у отца с матерью парень, по имени Хальвор.

Жил он и забот не знал, а родителям своим немало горя приносил. Сидит себе целыми днями около печки и роется в золе. И ни до чего ему дела нет.

Сколько раз отец с матерью отдавали его в учение, но все без толку. Не пройдет и трех дней, а Хальвор опять дома,— всё ему не так, всё не по нем. Опять сидит он у печки, опять копается в золе.

И вот однажды зашел к ним в дом матрос. Много земель и морей перевидал он и теперь снова отправлялся в далекое плавание.

— Хочешь, тебя с собой возьму? — спрашивает он Хальвора.

Да, это Хальвору пришлось по вкусу, на это он согласен.

Собирался он не долго — стряхнул золу с ладошек и пошел.

Долго ли они плыли по морю, я не знаю. Только знаю, что попали они в сильную бурю, а когда буря наконец стихла, даже капитан не мог сказать, где они находятся,— принесло их к берегу какой-то чужой земли, а что это за земля и кто на ней живет,— про это никто никогда даже не слышал.

Ветер совсем улегся, паруса обвисли, и корабль — хочешь не хочешь — не мог сдвинуться с места.

Стоять на одном месте всякому надоест. Даже Хальвору стало скучно.

Стал он просить капитана отпустить его на берег. И так он его просил, что капитан согласился.

— Только смотри,— чуть подует ветер, возвращайся скорее на корабль. Мы тебя ждать не будем.

И вот Хальвор ступил на берег неведомой земли.

Куда ни погляди, всюду золотые поля, зеленые луга, а людей не видно.

Долго шел Хальвор, и вдруг закачались колосья, зашестела трава,— поднялся ветер.

Надо бы Хальвору повернуть назад, но тут он увидел большую дорогу, и ему очень захотелось узнать, куда она ведет. Дорога была такая гладкая, что по ней хоть яйца кати — не разобьются. А следов на дороге — никаких, ни человеческих, ни звериных.

Целый день шел Хальвор, а когда настал вечер, дорога привела его к замку. Все окна замка были освещены и как будто манили усталого путника.

Хальвор изрядно проголодался, ведь с самого утра у него не было во рту ни крошки. Корабль его, верно, давно ушел в море, и ему ничего не оставалось, как зайти в замок.

Он так и сделал.

Сначала он попал в кухню. Очаг ярко пылал, в огромных кастрюлях и котлах из серебра и золота что-то варилось и жарилось. Но людей нигде не было видно.

Хальвор постоял, полюбовался всем этим кухонным великолепием, но не посмел ни к чему прикоснуться.

Потом он заметил дверь, которая вела, наверное, из кухни во внутренние покои.

Хальвор толкнул ее, да так и ахнул.

Перед ним сидела красавица и прядла на прялке.

— Кто ты, осмелившийся прийти сюда? — воскликнула красавица.— Уходи скорее! Хозяин этого замка трехглавый тролль. Если он придет и увидит тебя, ты погиб.

— Пусть у него будет хоть четыре головы, я все равно останусь,— сказал Хальвор.— Я не уйду отсюда, пока ты меня не накормишь. А бояться мне нечего, потому что я не сделал ничего плохого.

Красавице понравилось, что Хальвор так смело разговаривает. Она хорошенько накормила его и, когда он наелся, сказала:

— А ну-ка, попробуй снять вот тот меч, что висит на стене. Если снимешь, сам спасешься и меня спасешь.

Хальвор усмехнулся. Тут и пробовать-то нечего! Он взялся за рукоятку меча... Да что же это? Он и приподнять его не может, не то что снять.

— Выпей-ка глоток из фляги, что висит рядом,— сказала красавица.— Тролль всегда так делает, прежде чем берет за мечь.

Хальвор приложился к горлышку, отпил глоток и снова взялся за меч. Да что же это? Меч стал как перышко, в руке словно ничего и нет.

— Ну, теперь пусть приходит тролль!— сказал Хальвор, помахивая мечом.

И вот послышалось пыхтение, шум, треск,— это тролль возвращался в свой замок.

Хальвор стал около двери.

Едва тролль приоткрыл дверь, как сразу почувствовал неладное.

— Здесь пахнет человеком!— закричал он страшным голосом.

— Верно!— сказал Хальвор и разом отрубил троллю все три его головы.

От радости красавица принялась петь и плясать и веселилась до тех пор, пока не вспомнила о своих сестрах. Тогда она заплакала.

— Ах, если бы ты мог освободить и моих сестер! — сказала она Хальвору.

— Да где же они? — спросил Хальвор.

— Их тоже похитили тролли. Нас три сестры, три принцессы. Тролли заперли нас в своих зámках, потому что мы не захотели стать их женами. До зámка одного тролля целый день пути,— там в заточении живет моя старшая сестра. До зámка другого тролля еще день и ночь пути,— там томится в неволе моя младшая сестра.

И красавица снова заплакала.

На другое утро Хальвор пустился в путь.

Он шел весь день до самого вечера, не шел, а бежал, и, наконец, увидел зámок тролля.

Через кухню Хальвор проник во внутренние покои зámка.

— Какой человек осмелился войти сюда? — воскликнула старшая принцесса.— Я уже забыла, сколько времени живу здесь — так давно похитил меня тролль. Но ни разу я не видела в этих покоях человека. Лучше всего, если и ты уйдешь отсюда, потому что у тролля, которому принадлежит этот зámок, шесть голов.

— Пусть у него будет шестью шесть голов, я все равно не уйду.

— Он схватит тебя и проглотит живьем, — сказала принцесса. Ей очень хотелось спасти этого отважного юношу.

Но ее слова нисколько не помогли. Хальвор твердил свое: он не уйдет. А вот поесть он не прочь, потому что с утра у него во рту не было ни крошки. Может быть, принцесса накормит его?

Ну конечно. За этим дело не станет. Принцесса устала едой весь стол. Юноша может есть сколько хочет. А потом он все-таки должен уйти.

— Нет, я не уйду,— сказал Хальвор.— Я не сделал ничего плохого, и мне нечего бояться тролля.

— Да он тебя и спрашивать ни о чем не будет,— схватит без всяких разговоров и съест. Но если уж ты такой упрямый, так хоть возьми меч, что висит на стене. Только сначала выпей глоток из фляги, которая висит рядом.

Хальвор так и сделал.

Скоро явился тролль. Он был еще больше первого и едва-едва пролезал в дверь. Чуть только он просунул одну свою голову и повел носом, как закричал:

— Фу ты! Да никак здесь человеком пахнет!

— Угадал, шестиглавый!— сказал Хальвор и одну за другой отрубил все шесть голов тролля.

Принцесса принялась прыгать и плясать от радости, а потом вспомнила о своих сестрах и заплакала.

— Не плачь,— сказал ей Хальвор,— одну твою сестру я уже освободил, а второй недолго осталось быть пленницей.

На другое утро Хальвор отправился в путь. Весь день шел, всю ночь шел и только с рассветом второго дня увидел зубчатые стены зámка.

Хальвор прошел через кухню, распахнул дверь в покои зámка и увидел такую красавицу, что даже глазам своим не поверил. На всем свете такой не найти. Это была младшая принцесса.

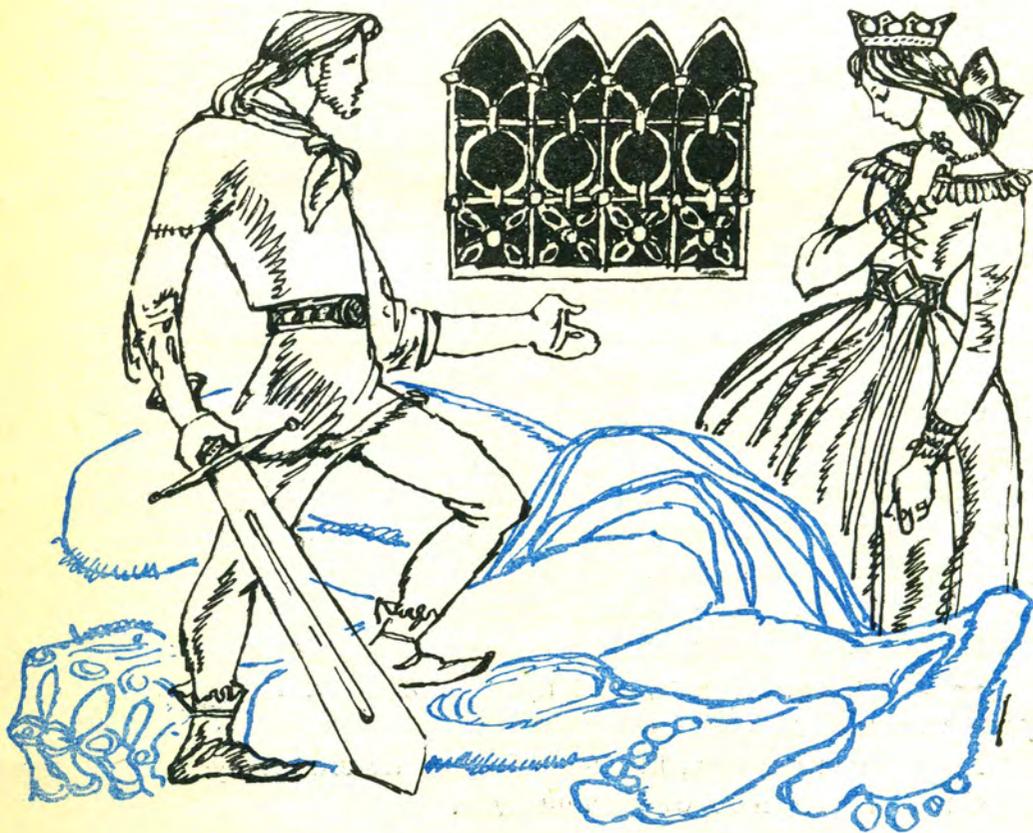
— Ах, юноша,— сказала она,— зачем ты сюда пришел? Хозяин этого зámка—страшный тролль. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как он проглотит тебя. От него не спрячешься, не спасешься, ведь у него девять голов. Уходи, пока он не вернулся.

— Пусть у него хоть сто голов, а я не уйду. Дай-ка мне выпить глоток из его бутылки, тогда посмотрим, кто кого одолеет.

Хальвор отпил немного из горлышка, потом снял меч со стены и принялся ждть тролля.

И вот дрогнула земля, покачнулись каменные стены,— это тролль вернулся в свой замо́к. Он был такой огромный, что только боком мог пролезть в дверь. Чуть только показалась одна его голова, как Хальвор отрубил ее, а потом и остальные восемь. Правда, с последней головой, ему пришлось повозиться. Она так крепко сидела на туловище, что Хальвор едва справился с ней.

Наконец все было кончено.

Принцесса от радости чуть не плакала, а когда она узнала, что сестры ее тоже свободны, счастьем ее не было конца.

Не прошло и двух дней как все собрались в замке старшей сестры. Никогда еще стены этого замка не видели столько веселья, не слышали такого счастливого смеха.

Сестры от души привязались к Хальвору, но младшая принцесса полюбила его больше всех. И Хальвор полюбил ее всем сердцем.

Оставалось теперь только отпраздновать свадьбу.

Одно печалило Хальвора — мысль об отце с матерью. Верно, они оплакивают своего непутевого сына! А ведь как бы они порадовались его счастьем и богатством!

— Твоему горю помочь легко, — сказала ему невеста. — Вот тебе кольцо, повернешь его на пальце один раз, и оно перенесет тебя, куда захочешь; повернешь два раза, и — только позови — всякий возле тебя окажется; три раза повернешь — и снова к нам вернешься. Но помни: нас к себе не зови, не то никогда больше никого из нас не увидишь. Злой вихрь унесет нас в замок Сория-Мория. А туда тебе дороги не найти. И кольцо тебе не поможет.

С этими словами сняла она кольцо со своей руки и надела на руку Хальвора.

Старшие сестры принесли одежду для Хальвора — из шелка и бархата, шитую серебром и золотом, украшенную драгоценными камнями.

Нарядился Хальвор и сам стал похож на принца.

Потом он повернул кольцо на пальце и сказал:

— Где был мой дом, там пусть и я буду! Где я стою, пусть там мой дом стоит!

И не успел сказать, как все сбылось по его слову.

Снова перед ним отцовский дом.

Толкнул он дверь,— кругом знакомые стены. И всё в доме по-прежнему — та же печка, тот же ящик с золой.

Дело было уже к вечеру. В сумерках отец с матерью и не признали Хальвора.

Увидели они, что к ним зашел знатный гость, и от смущения стали приседать и кланяться.

— Не пустите ли меня переночевать, добрые люди? — спросил Хальвор.

Старики совсем растерялись. Нет, нет, как же это можно. Господин, видно, ошибся домом. Они люди бедные. У них и того нет, и этого нет, и накормить-напоить нечем, и спать уложить негде. Лучше уж ему пойти в другой дом, в конце улицы, где труба высокая на крыше, там для господина все найдется. А Хальвор не соглашается.

— Может, все-таки позвольте у вас переночевать. Мне ничего не надо. Я хоть здесь, на ящичке с золой, посижу.

Сел на краешек ящика и стал золу сквозь пальцы пересыпать, как, бывало, раньше делал.

Отец с матерью удивляются,— что за странный гость! Да не гнать же его из дому!

Слово за слово разговорились они о том, о сем.

— А разве детей у вас нет? — спрашивает Хальвор.

— Был сын,— говорит отец,— да ушел от нас. И вести о себе не подает. Жив ли, нет ли — ничего мы не знаем.

— А какой он был? — спрашивает Хальвор.— На меня не похож?

— Куда ему до тебя! — говорит мать. — Он только и знал дела,— вот как ты сейчас,— сидит на ящичке да золу рукой ворошит.

Тут мать подошла к печке, чтобы подбросить угля в очаг. Яркое пламя осветило ящик и Хальвора, который сидел, запустив руку в золу.

— Хальвор, сыночек, да ведь это ты! — вскрикнула старуха. — Отец, смотри, это наш сыночек вернулся!

И оба старика бросились обнимать Хальвора.

С радости они и плакали, и смеялись. А разговорам конца не было.

Об одном только жалели отец с матерью, что нельзя им увидеть дорогу невестку.

Наутро зашла к ним соседка, да так и ахнула, увидев Хальвора в шелке и бархате.

Часу не прошло, а уж вся деревня знала, что Хальвор победил трех страшных троллей и вернулся домой.

Всем соседям хотелось поскорее увидеть его, а соседским дочкам и вовсе не терпелось поглядеть на Хальвора. Раньше-то они знать его не желали. Встретят на улице и давай дразнить: «Эй, ты, замарашка! Тебе золы не надо? Приходи — отсыплем полную бочку!»

А теперь каждая из кожи лезла вон, чтобы Хальвор на нее взглянул, каждая с ним старалась заговорить, каждая старалась улыбнуться ему поласковее.

Только зря они старались!

Теперь сам Хальвор не хотел на них смотреть.

— Что это, — говорит, — вы все вырядились, как огородные пугала? Вам в ваших нарядах разве что коров пасти! Вот бы посмеялись над вами моя невеста и ее сестры!

И, забыв обо всем, что говорила ему невеста, он дважды повернул кольцо на пальце и сказал:

— Пусть замок и принцессы будут там, где я стою...

Но не успел он рта закрыть, как вдруг в небе потемнело, загремел гром, и сквозь грохот и вой вихря слышались голоса:

— Прощай, Хальвор! Ищи нас в замке Сория-Мория. А не найдешь, — так никогда больше нас не увидишь.

И все стихло.

Соседи со страху поспешили уйти по своим домам, а Хальвор закрыл лицо руками и горько-горько заплакал.

— Сам я на себя беду накликать. Теперь одно мне остается — идти искать замо́к Сóриа-Мóриа.

Как ни уговаривали его отец с матерью, как ни просили остаться, Хальвор и слушать их не хотел.

— Или найду замо́к Сóриа-Мóриа, или мне не жить!

И отправился в путь.

Шел он, шел, и привела дорога его в лес. Лес густой, темный, конца-края ему нет. Целый день пробирался Хальвор дремучей чащей, всю ночь шел и вдруг увидел среди деревьев огонек.

«Верно, кто-то живет здесь, — подумал Хальвор. — Может, дадут мне поесть и отдохнуть позволят!..»

Подошел Хальвор поближе и увидел маленькую жалкую хижину.

Заглянул в окошко, а там двое сидят, старик и старуха.

У старухи нос длинный-предлинный. Стала она возле печки и носом, точно кочергой, угли поправляет.

— Добрый вечер! — сказал Хальвор.

— Добрый вечер! — ответила старуха. — Ты зачем пришел сюда? Уже сто лет ни один человек здесь не бывал.

Ну, Хальвор рассказал, куда он идет, и спросил, не знает ли она дороги в замо́к Сóриа-Мóриа.

— Нет, — сказала старуха, — не знаю я туда дороги. А вот сейчас выйдет месяц, мы его и спросим. Он по всему свету бродит, так уж, наверное, все знает.

Когда месяц, светлый и блестящий, поднялся над деревьями, старуха вышла на крыльцо.

— Месяц, месяц! — крикнула она. — Можешь ты показать дорогу в замо́к Сóриа-Мóриа?

— По небу я дорогу знаю, а по земле — не найду, — сказал месяц. — Облако от меня замо́к закрыло, когда я над ним проплывал.

Сказал — и дальше своим путем отправился.

— Не горюй, — сказала старуха Хальвору. — Скоро прилетит западный ветер. Уж он-то все знает, во все уголки забирался!... Да ты пойдй поспи немного; А уж я его подкараулю.

И вдруг зашумело, загудело кругом, даже стены затрещали, — это налетел западный ветер.

Старуха выбежала из хижины, руками машет, кричит:

— Ветер! Западный ветер! Постой! Не можешь ли ты показать дорогу к замо́ку Со́риа-Мо́риа? Помоги доброму человеку туда добраться.

— Я все дороги на белом свете знаю, — сказал западный ветер. — А в замо́к Со́риа-Мо́риа я сейчас сам лечу. Там свадьба готовится. Прачки уже стирают приданое невесты, а мне надо сушить. Если твой гость на ногу скорый, пусть идет за мной. Да скажи, чтобы не мешкал, я спешу, — зашумел западный ветер.

А Хальвора и звать не надо, он уже на пороге стоит.

— Погоди, — сказала старуха. — Я тебе свои старые сапоги-скороходы дам. Без них тебе за этим ветром не угнаться.

И вынесла Хальвору пару сапог.

— Раньше-то в них как шагнешь — семь миль позади оставишь. Ну да теперь поизносились немного, больше пяти миль зараз не делают.

А западный ветер торопится, бушует:

— Поскорее, поскорее! Мне некогда!

И помчался над горами и лесами.

Бежит за ним Хальвор, едва поспекает. Деревья по лицу его бьют, кустарник глаза колет, а он бежит и бежит.

Над самой высокой горой поутих немного западный ветер и говорит Хальвору:

— Дальше иди один, а я тут разомнусь немного, елок наломаю. Ты спустись по склону этой горы, а там уже недалеко до замка Сория-Мория. У подножья горы река течет, и в этой реке девушки белье стирают. Так ты им скажи, что я скоро прилечу.

И вот Хальвор пошел один. Оглянуться не успел, а сапоги-скороходы уже вниз его доставили.

Внизу речка течет, на берегу девушки белье полощут. А на высоком холме, на открытом месте стоит замок с кружевными башенками, с зубчатыми стенами.

— Скажите, девушки,— говорит Хальвор,— как этот замок называется?

— Это замок Сория-Мория,— отвечают девушки.— А ты скажи нам, милый человек, не повстречался ли тебе в пути западный ветер? Без него не высушить нам белье.

— Видел я его, видел, он на горе елки ломает, обещал, что скоро здесь будет,— сказал Хальвор.

И зашагал к замку.

В замке гостей — видимо-невидимо.

А Хальвор, пока гнался за ветром, так всю свою одежду изорвал, что стыдно людям на глаза показаться.

Стал он в укромном уголке, смотрит на свадебное пиршество.

Во главе стола сидит невеста,— его, Хальвора, невеста, а рядом с ней, на его месте,— какой-то королевич заморский.

Невеста украдкой слезы утирает, а ее сестры чуть не в голос плачут.

Смотрит на них Хальвор, и сердце у него обливается кровью.

А гости уже за молодую чету пьют.

Что делать? Что придумать? Снял Хальвор кольцо со своей руки, опустил в кубок с вином и послал с виночерпием невесте.

Она отпила вина и увидела на дне кубка кольцо, которое подарила Хальвору.

Тогда встала принцесса со своего места и говорит:

— Нет, не жених мне тот, кто рядом со мной сидит, — он силой меня унес. А настоящий мой жених — тот, кто меня и сестер моих из неволи спас.

И показала на Хальвора.

Заморского королевича вон прогнали, а младшая принцесса и Хальвор отпраздновали веселую свадьбу.

На восток
от солнца,
на запад от
луны

Жил когда-то на свете бедный человек с женой.

Всего богатства у них было — полный дом детей. Ходили они всегда оборванные и голодные, и только одним не обошла их судьба, — все, как на подбор, были красивые. А уж младшая дочь, — такая красавица, что никто

с ней не мог сравниться.

Однажды поздней осенью, когда на дворе была непроглядная темень — хоть глаз выколи — и дождь лил словно из ведра, а ветер налетал с такой силой, что весь домик трещал и шатался, вся семья сидела возле очага. Мать и дочери штопали и шили, а отец и сыновья занимались всякими поделками. И вдруг в окно кто-то три раза постучал.

Хозяин пошел посмотреть, кто бы это мог быть. Он открыл дверь, да так и ахнул. Перед ним стоял огромный белый медведь.

— Добрый вечер! — сказал белый медведь.

— Добрый вечер, — ответил хозяин.

— Я пришел к тебе свататься, — сказал белый медведь. — Отдай за меня свою младшую дочь, и ты будешь так же богат, как теперь беден.

Хозяин не знал, что и сказать. Конечно, хорошо бы разбогатеть, да ведь и дочку тоже жалко.

— Вот что, приходи через неделю в эту же пору, тогда я тебе дам ответ, — сказал хозяин.

Белый медведь ушел, а хозяин вернулся в дом и рассказал все, как было.

Услышала младшая дочка, что к ней сватается медведь, и залилась слезами. Но отец сказал ей, что никто ее неволить не станет, и все опять занялись своим делом.

Только с той минуты бедная девушка не знала больше покоя.

Посмотрит на голодных и оборванных сестер и братьев, и так у нее сердце защежит, что на всё, кажется, ради них готова.

А подумает о себе, о своей горькой участи, и еще сильнее сожмется у нее сердце и, кажется, ничего-то ей не надо, только бы дома среди своих жить.

Прошла целая неделя.

— Ну, решай,— говорят ей отец с матерью,— что медведю ответить.

— Хорошо, пойду за него,— сказала младшая дочка.

Она постирала и заштопала свою одёжу, связала все в узелок, принарядилась как могла, и приготовилась в дорогу.

И вот в назначенный час белый медведь пришел за невестой.

Девушка села к нему на спину, взяла в руки свой бедный узелок, и медведь понес ее неведомо куда.

Когда они были уже далеко от дома, белый медведь спросил:

— Не страшно тебе?

— Нет,— ответила девушка. И сама удивилась, что ей совсем не страшно.

— Держись только крепче за меня,— сказал белый медведь.

И он побежал еще быстрее.

Наконец у подножия высокой горы медведь остановился.

Он ударил лапой по камню, и вдруг в горе появились узорчатые железные ворота. Ворота сами открылись, и белый медведь с девушкой вошли — да не куда-нибудь, а в чудесный дворец.

Все комнаты сияли серебром и золотом, а в огромной зале стоял накрытый стол. И чего только на нем не было! Даже поверить трудно, что бывает такое богатство!

Белый медведь усадил девушку за стол и дал ей серебряный колокольчик. Если ей захочется чего-нибудь, стоит ей позвонить в колокольчик, и всякое ее желание сейчас же исполнится.

С этими словами он ушел и оставил ее одну.

Девушка попила и поела так, как за всю жизнь ей не приходилось. Она перепробовала по крайней мере десять блюд, а на столе их было чуть не сто.

После сытной еды и долгой дороги ей захотелось спать. Она позвонила в колокольчик и в ту же минуту очутилась в комнате, где для нее уже была приготовлена постель — такая красивая, о какой можно только мечтать. Перины на ней были пуховые, подушки — шелковые, полог — бархатный, с золотыми кистями. Да и всё в этой комнате было из золота и серебра.

Только что девушка легла, как она услышала в соседней комнате шаги.

«Кто бы это мог быть? — подумала девушка. — На медвежий топот не похоже, а людей здесь как будто нет.»

Она тихонько встала, подкралась к двери соседней комнаты и заглянула в щелку.

И что же она увидела?

Прекрасного принца! Лицо у него было очень грустное, а на полу у ног его лежала белая медвежья шкура.

Тут девушка догадалась, что белый медведь был заколдованным принцем.

А кто его расколдует и когда, и что для этого надо сделать — девушка не знала.

И спросить некого.

Только ночью принц сбрасывал свою медвежью шкуру. Но чуть только занимался день, он превращался в белого медведя.

Медведь был с девушкой очень ласков. Но медведь все-таки медведь, а не человек!

Он и сам это понимал, и старался пореже показываться девушке на глаза.

Тоскливо ей было одной в пустом подземном дворце. Захотелось ей повидать отца с матерью, сестер и братьев.

— Твоему горю легко помочь,— сказал ей белый медведь.— Об одном только прошу тебя: если захочет твоя мать поговорить с тобой с глазу на глаз — не соглашайся, захочет выведать у тебя какую тайну — не говори. Я сам тебя не спрашиваю, что ты знаешь, о чем догадываешься. Да ведь так надо. Потерпи немного, не то стрясется беда — и со мной, и с тобой.

И вот в воскресный день снова села девушка медведю на спину — в руках у нее был теперь целый ворох подарков, — и медведь понес ее к родным местам.

Только теперь не узнала девушка своего дома.

Там, где раньше ютилась жалкая хижина, стоял теперь настоящий замок — с башенками и балконами, с узорными наличниками на окнах, с черепичной крышей.

— Вот ты и дома,— сказал белый медведь.— Ступай к своим, да помни, что я тебе говорил. Не то не миновать нам беды.

— Нет, нет, ты напрасно тревожишься,— сказала девушка.— Я ни о чем не забуду.

Медведь повернул назад — восвояси, а девушка вошла в дом.

Когда отец с матерью увидели ее, их радости и слезам не было конца. А сестры и братья чуть не задушили ее поце-

луями. Всем им теперь жилось так хорошо, так хорошо, что словами не скажешь. И за все они должны благодарить свою младшую сестру. Ну, а ей-то, бедняжке, как приходится? Не обижает ее медведь? Не страшно в его берлоге?

Но девушка успокоила их. Ей тоже живется хорошо. И хоть дом у белого медведя в глубине горы, но на берлогу он совсем не похож, а похож на сказочный дворец. И про серебряный колокольчик она рассказала, и про то, и про се, да мало ли еще про что. А про самого белого медведя — ни слова. Странно все это показалось матери, но сколько ни выспрашивала она дочку, ничего больше не узнала.

После обеда позвала мать дочку в свою комнату.

А дочка не идет, помнит про свое обещание. И все-то у нее находятся отговорки, — то ей с сестрами хочется поболтать, то дом посмотреть, то по саду с братьями побегать. Только мать все-таки настояла на своём. И когда они остались с глазу на глаз, не утерпела дочка и рассказала матери всё, что знала о белом медведе.

— Ах, чужало мое сердце, что наше богатство — от нечистого! — воскликнула мать. — Этот белый медведь, верно, тролль. Он кем угодно может обернуться. Но я научу тебя, что делать. Возьми вот эту сальную свечку, и когда наступит ночь, засвети ее, проберись в комнату, где спит твой медведь, и хорошенько рассмотри его. Да не капни на него са-лом, а то он проснется — и несдобровать тогда тебе.

И так она дочку запугала, что та на все согласилась.

Вечером, в назначенный час, пришел за девушкой белый медведь. Распрощалась она с родней и отправилась в обратный путь.

Полдороги пробежал медведь и спрашивает:

— Ты свое слово не нарушила?

Не могла девушка ему солгать и во всем призналась.

— Ах, прошу тебя,— сказал белый медведь,— не делай того, что тебе велела мать. Потерпи немного, и ты все узнаешь. А если тебе так уж плохо со мной, я тебя неволить не буду, возвращайся к себе.

Но девушка не захотела его оставлять. Она уже привязалась к белому медведю и в глубине души не очень-то верила матери, что он злой тролль.

А когда она вернулась в подземный дворец и легла спать, все страхи снова вернулись к ней.

Она встала, зажгла свечу и тихо прокралась в покои белого медведя. Осторожно подошла она к его постели и подняла повыше свечу. Нет, это был не тролль. Это был тот самый прекрасный юноша, которого она видела. И лицо у него даже во сне было таким же грустным.

Девушка нагнулась над ним, чтобы рассмотреть его лучше, свеча у нее в руке наклонилась и три горячие капли упали юноше на грудь.

Он проснулся, вскочил и, когда увидел девушку, сразу все понял.

— Что ты наделала! Что ты наделала! — воскликнул он и закрыл лицо руками.— Теперь мы оба пропали. Если бы ты послушалась меня и подождала год, ты спасла бы меня, и стали бы мы с тобой самыми счастливыми людьми на свете. Мой отец — заморский король, а я — его наследник, принц. Но злая ведьма, моя мачеха, погубила моего отца, а меня заколдовала и превратила в белого медведя. И все потому, что я не хотел жениться на ее дочке. Днем я должен прятаться от всех, и только ночью, когда никто меня не видит, я снова становлюсь человеком. Если бы ты прожила в моем дворце всего один год, я освободился бы от злых чар! А теперь прощай навсегда... Завтра я буду уже далеко, в замке, где живет моя мачеха со своей дочкой. Дочка ее такая же ведьма,

как ее мать, и нос у нее в три аршина длиной, но все-таки теперь не миновать мне жениться на ней!

Как тут плакала девушка, как она раскаивалась, что не послушалась белого медведя! Но ничего уже нельзя было поправить: что сделано, то сделано.

— Покажи мне хоть дорожку в этот замок, чтобы я могла тебя разыскать, — сказала девушка.

— Если бы нашла ты меня, так и наше бы с тобой счастье нашло, — сказал принц. — Да вот беда, — нет в этот замок дороги. Стоит он на восток от солнца, на запад от луны, и никто на земле не знает к нему пути...

Утром, когда девушка проснулась, ни принца, ни подземного дворца — ничего не было. И серебряный колокольчик, который выполнял все ее желания, тоже исчез. Она была одна в темном, густом лесу, а рядом с ней лежал бедный узелок, который она взяла с собой из дому.

Горько заплакала девушка, потом подняла свой узелок и отправилась в путь.

Много дней, много ночей шла она по лесу и наконец увидела высокую гору, которая вершиной упиралась в облака.

У подножия горы пряталась маленькая хижина, а возле нее, у порога, сидела старуха с золотым яблоком в руках.

— Скажи, бабушка, не знаешь ли ты, как пройти мне в замок, что стоит на восток от солнца, на запад от луны?

— А зачем ты идешь туда?—спросила старуха.

— Я ищу принца. Его заколдовала злая ведьма и теперь хочет заставить его жениться на своей дочке, у которой нос в три аршина длиной.

— Ах, так, значит, это ты не сдержала слова и погубила своего принца?

— Да, это я,—призналась девушка и опустила голову.

— Трудно тебе помочь,—сказала старуха.— Одно только я знаю: надо тебе торопить-

ся. Вернее всего, что ты не доберешься до зámка, а доберешься — так уже поздно будет. Садись-ка на мою лошадь и езжай к моей сестре, может, она тебе покажет дорогу в зámок, что стоит на восток от солнца, на запад от луны. Да когда приедешь к сестре, ударь лошадь под левое ухо и прикажи ей вернуться домой. Да еще вот возьми золотое яблоко, оно тебе пригодится.

Девушка села на лошадь и отправилась в путь.

Ехала она долго-долго и наконец увидела гору, такую высокую, что она закрывала половину неба.

У подножия горы лепилась хижина, а на пороге сидела старая старуха и держала в руках золотое мотовило.

Спрыгнула девушка с лошади, ударила ее под левое ухо, чтобы она домой шла, а потом подошла к старухе.

— Бабушка, скажи, как мне найти зámок, что стоит на восток от солнца, на запад от луны?

— Знаю я, что на восток от солнца, на запад от луны стоит зámок. Слышала о нем. А какая туда дорога ведет, не знаю. Возьми мою лошадь и езжай к моей старшей сестре, может, она тебя научит. Да не теряй времени. Не найдешь зámка — плохо будет, а найдешь слишком поздно — тоже плохо будет. На вот, возьми мотовило, оно тебе пригодится. А когда приедешь к сестре, ударь лошадь под левое ухо и прикажи ей домой возвращаться. Смотри, не забудь.

Поблагодарила девушка старуху, села на ее лошадь и отправилась дальше в путь.

Ехала-ехала, чуть не до конца света доехала и увидела высокую-превысокую гору, выше самого неба, и под горой — хижину. На пороге сидела старая-престарая старуха и держала в руках золотую прялку.

Девушка соскочила с лошади, ударила ее под левое ухо и прогнала домой.

А потом подошла к старухе и спросила:

— Скажи, бабушка, не знаешь ли ты дорогу к зámку, что стоит на восток от солнца, на запад от луны?

— Слышала, я про этот зámок, есть такой на свете, а дороги туда не знаю. Возьми мою лошадь и езжай к восточному ветру. Он много по свету гуляет, может, и зámок видел... Да прикажи лошади домой вернуться, когда к восточному ветру приедешь. Ударь ее под левое ухо, она и пойдет назад. А эту прялку возьми себе, пригодится.

И снова девушка отправилась в путь.

Много дней, много ночей ехала она и наконец увидела жилище восточного ветра. В доме ветер так и свистит,— да ведь на то он здесь и хозяин.

Подъехала девушка поближе, а восточный ветер как раз из дому вылетел — по белу свету погулять. Тут девушка его и окликнула.

— Постой, восточный ветер, скажи мне, не видел ли ты зámок, что стоит на восток от солнца, на запад от луны?

— Слышать — слышал, а видеть — не видел, и дороги туда не знаю,— сказал восточный ветер, перебегая с места на место.— Если хочешь, я могу проводить тебя к моему брату, западному ветру. Он постарше меня, может, он летал на восток от солнца, на запад от луны, может, видел этот зámок. Ну, держись хорошенько, и я живо домчу тебя к брату!

Но западный ветер тоже не знал дороги к зámку.

— Если хочешь, я провожу тебя к нашему брату,— южному ветру,— сказал он девушке, а сам так и рвется с места.— Южный ветер сильнее, чем мы с восточным. Где только он не бывает! Что, согласна лететь со мной?

Да, да, она, конечно, согласна.

— Ну так держись! — присвистнул западный ветер.

И они полетели.

Южный ветер встретил их очень тепло. Но он тоже не мог помочь девушке.

— Хочешь, я провожу тебя к северному ветру? — сказал он. — Он самый старший из нас и самый сильный. Если уж он не знает, где этот замок, тогда, значит, никто этого не знает. Ну, держись! Полетели!

Северный ветер еще издали обдал их холодом. Он был очень зол, что его потревожили.

— Что вам надо? — завыл он таким страшным голосом, что у бедной девушки похолодело сердце.

— Ах, пожалуйста, не сердись, — сказал южный ветер. — Эта девушка ищет дорогу на восток от солнца, на запад от луны, туда, где стоит замок злой ведьмы. Может быть, тебе случалось бывать в этом замке?

— Ну конечно, я знаю, где находится этот замок, — сказал северный ветер. — Это очень далеко. Только один раз за все время, что я ношусь по свету, я донес туда осиновый листок, да и то устал так, что потом несколько дней не мог шевельнуться. Если эта девушка не боится, я полечу с ней. Только пусть не кричит и не охает, что она замерзла, или что она устала, или еще что-нибудь в этом роде.

Нет, нет, она ничего не боится, она на все согласна, лишь бы только добраться до замка и увидеть прекрасного принца.

— Тогда собирайся в путь, — холодно сказал северный ветер.

Он подхватил девушку и ринулся вперед.

Это был не ветер, а настоящий ураган. Когда они пролетали над городами — рушились каменные стены, когда пролетали над лесами — валялись столетние деревья, когда летели над морем — сотни кораблей терпели кораблекрушение. А они летели все дальше и дальше — в открытое море.

Даже поверить трудно, как далеко они залетели. Северный ветер и тот, видно, устал, он становился все слабее, опускался все ниже и ниже.

Наконец он опустился так низко, что гребни волн касались девушки.

Но вот показалась земля. Это было как раз то место, где, на восток от солнца, на запад от луны, стоял замок злой ведьмы.

Северный ветер бросил девушку на берег у стен замка и улегся сам. Он так обессилел, что не шелохнувшись пролежал весь день, прежде чем смог отправиться в обратный путь.

А девушка на другое утро уселась под окнами замка и принялась играть золотым яблочком. Тут ее и увидела длинноносая уродина, на которой должен был жениться принц.

— Продай мне это яблочко,— сказала она, высунув из окна свой длинный нос.

— Это яблочко не продается за деньги,— ответила девушка.

— Если оно не продается за деньги, так что же ты хочешь за него? Говори, я на все согласна,— сказала длинноносая принцесса.

— Позволь мне посмотреть на твоего жениха, — сказала девушка,— тогда ты получишь это яблочко.

— Изволь,— сказала длинноносая невеста.

Она взяла золотое яблочко и велела девушке прийти вечером.

Но когда девушка пришла, принц спал крепким сном, потому что за ужином ему подсыпали в питье сонный порошок. Девушка звала его, и тормозила, и плакала, но разбудить не могла.

А потом пришла длинноносая и прогнала ее.

На другой день девушка села под окнами зámка и стала разматывать пряжу на золотом мотовиле. Опять из окна высунулся длинный нос, и дочь ведьмы спросила, что девушка хочет за это мотовило? И девушка опять ответила, что оно не продается за деньги, но, если бы ей позволили посмотреть на принца, она отдала бы мотовило даром.

И на этот раз, когда она пришла, принц крепко спал. Снова она звала его, тормошила, плакала над ним, но разбудить не могла. И снова пришла длинноносая уродина и прогнала ее за дверь.

На третий день девушка по-прежнему уселась под окнами зámка и принялась прясть на золотой прялке. Длинному носу, конечно, захотелось купить эту прялку. Но девушка и на этот раз сказала, что прялка не продается. А вот если ее пустят в зámок посмотреть на принца, она отдаст свою прялку даром.

Что ж, длинноносая согласна. Пусть эта дурочка приходит вечером.

Весь день дочь ведьмы была так занята своей новой прялкой, что позабыла дать принцу за ужином сонное питье.

И вот когда он остался у себя в покоях один и длинноносая невеста думала, что он крепко спит, девушка снова вошла в зámок. Она уже ни на что не надеялась и только хотела еще раз — в последний раз — взглянуть на своего принца.

Ах, как обрадовались они, когда увидели друг друга!

— Ты пришла как раз вовремя, — сказал принц. — На завтра назначена моя свадьба. Но теперь я ни за что не женюсь на длинноносой ведьме. Ты нашла меня, и ты одна можешь меня спасти. Слушай, что я придумал. Завтра утром я скажу, что хочу испытать мою невесту — хорошая ли

она хозяйка,—и дам ей выстирать мою рубашку с тремя пятнами от сальной свечи. Она, конечно, возьмется, а отстирать пятна не сможет, потому что в руках нечистой силы ничто не становится чистым. Вот тогда я и скажу, что женюсь только на той, кто отстирает мне рубашку. А кто кроме тебя это сделает? Никто. Тут ведь в замке одни только ведьмы.

Наутро принц сказал своей мачехе-ведьме, что он хочет посмотреть, научила ли она свою дочку домашней работе.

— У меня есть тонкая рубашка. Я ее как раз для свадьбы хранил. Да вот беда,—на ней оказались три пятна от сальной свечи. Вели твоей дочке замыть их. А не сумеет, так я на ней и жениться не желаю.

— Ну, это дело пустяковое. Моя дочка в одну минуту с ним справится,—сказала старая ведьма и позвала свою длинноносую дочь.

Но как та ни терла пятна, как ни старалась, пятна не становились меньше.

— Видно, ты и вправду стирать не умеешь,—сказала старая ведьма и выхватила рубашку у дочери из рук.— Давай мне!

Но не успела она дотронуться до рубашки, как пятна на ней стали еще грязней и больше. Старая ведьма терла их с такой яростью, что чуть не разорвала рубашку, а пятна делались только темнее. Она извела десять ведер воды и пуд мыла, но ничего не помогало.

Тогда она позвала на подмогу служанок. Но так как они тоже были ведьмы, то чем больше они стирали, тем больше разводили грязь, и в конце концов рубашка стала такая черная, как будто ее вытащили из печной трубы.

— Я вижу, что никто из вас не умеет стирать,—сказал принц.— Там под окнами сидит какая-то нищенка. Наверное,

она лучше, чем вы, справится со стиркой. Войди, девушка! — крикнул он.

Девушка вошла.

— Можешь ты чисто выстирать эту рубашку? — спросил принц.

— Ах, я не знаю, — ответила она. — Я попробую.

Она опустила рубашку в воду и не успела прикоснуться к ней, как рубашка сделалась белее снега.

— Вот на тебе я и женюсь, — сказал принц.

Старая ведьма до того разозлилась, что от злости лопнула тут же на месте, и ее дочка с длинным носом лопнула, и все ведьмы, которые жили в замке тоже, наверное, лопнули, потому что никогда больше их не было видно и слышно.

Принц и его невеста взялись за руки и ушли из замка, что стоит на восток от солнца, на запад от луны. И никто с той поры не находил в этот замок дороги.

Жила когда-то бедная-бедная вдова, и был у нее один-единственный сын, по имени Ларс.

Из последних сил работала мать, чтобы вырастить своего сына.

А когда минуло Ларсу шестнадцать лет, она сказала:

—Теперь, сынок, ты сам себе на хлеб зарабатывай. Иди, ищи какую-нибудь работу, а я тебя кормить больше не могу.

И вот отправился Ларс по белу свету, искать себе заработок.

Шел он, шел, и повстречался ему на дороге старик.

Старик спрашивает:

— Ты куда идешь, парень?

— Иду работу искать. Хочу поступить к кому-нибудь в услужение.

— Поступай ко мне!

— Ладно, могу и к тебе. Для меня что к тебе, что к другому — все равно.

— Ну так идем. Не пожалеешь.

И Ларс пошел за стариком.

Кормил и поил его хозяин — лучше не надо. Работы от него никакой не требовал. Кажется, чем не хорошо? Только очень уж скучно. Ни один человек к хозяину не приходил. Живого голоса в доме у него не слышно. Собаки и то не видно.

Однажды хозяин собрался куда-то и говорит Ларсу:

— Я уезжаю на восемь дней. Ты один останешься в доме. Делай что хочешь, ходи куда хочешь, только не входи в те четыре комнаты, что на ключ заперты. А если войдешь, сам на себя пеняй. Я вернусь и отрублю тебе голову.

Нет, нет, Ларс ни в чем не ослушается хозяина. Хозяин может на него положиться...

Старик уехал, а Ларс остался один. Несколько дней слонялся он без дела по дому, и такое вдруг одолело его любопытство, что он взял да и открыл одну из четырех запертых комнат.

Вошел, огляделся по сторонам,— комната совсем пустая, только над дверью, на полке, лежит ветка высохшего терновника.

«И чего это хозяин запретил мне сюда ходить? Тут и смотреть-то не на что,— подумал Ларс.— А таких прутьев я себе целый воз наломаю, если захочу».

Через восемь дней хозяин вернулся. Не успел порога переступить, а уже спрашивает:

— Ты не ходил в запретные комнаты?

— Не ходил,— ответил Ларс.

— А вот я сейчас сам увижу, правду ли ты говоришь,— сказал хозяин и вошел в ту самую комнату, которую открывал Ларс.— Ага, сразу видно, что ты здесь был! Ну, теперь прощайся с жизнью!

Ларс плакал и уверял, что всегда будет слушаться хозяина. И хозяин простил его. Но сначала хорошенько выпорол.

Да не век же помнить плохое. Хозяин перестал сердиться, Ларс забыл о побоях, и они снова зажили добрыми друзьями.

Прошло время, и хозяин опять стал собираться в дорогу.

— Теперь меня не будет дома четырнадцать дней,— сказал он Ларсу.— Смотри же, не входи в те три комнаты, что заперты. А туда, где ты уже был, ходи, пожалуйста, сколько твоей душе угодно.

Ларс, конечно, пообещал делать все так, как велит хозяин.

Но и в тот раз случилось то же, что и в прошлый.

Восемь дней ходил Ларс вокруг да около запертых дверей, а потом не выдержал и открыл замок одной комнаты.

И эта комната была совсем пустая, только на полке, над дверью, лежал булыжник и стоял кувшин с водой.

«Нашел что прятать!» — подумал Ларс. И снова запер комнату.

В положенный день вернулся хозяин.

— Не ходил в запертые комнаты? — спросил он сразу.

— Нет, не ходил, — сказал Ларс.

— Сейчас я это проверю, — сказал хозяин. Открыл дверь одной комнаты да как закричит: — Нет, теперь не жди пощады! Прощайся с жизнью, пришел твой последний час!

Но Ларс так плакал, так плакал, что хозяин наконец смягчился: жизнь подарил, а избить — избил. Живого места на Ларсе не оставил.

А когда раны его зажили и гнев хозяина поутих, все пошло по-старому.

И вот снова собрался хозяин из дому.

— Я уезжаю на двадцать дней, — сказал он Ларсу. — Если ты войдешь в третью комнату, не надейся остаться в живых.

Сказал — и уехал.

Четырнадцать дней терпел Ларс, а потом не выдержал и приоткрыл дверь третьей комнаты. Тут уж совсем ничего не хранилось, даже булыжника. И только посреди комнаты в полу была небольшая дверка, вроде как в погреб. Взялся Ларс за ручку и приподнял эту дверку. Заглянул в подполье, видит: там стоит большой медный котел и в нем что-то бурлит. А огня нигде нет.

«Что бы в этом котле могло быть?» — подумал Ларс и сунул в котел палец.

Вынул палец, а он весь позолочен.

Что делать? Хозяин и раньше узнавал, что Ларс ходил в запертые комнаты, а теперь и подавно узнает.

Как Ларс ни тер свой палец — и песком, и щелоком, — а позолота все равно не сходила.

Тогда Ларс обвязал палец тряпочкой и стал ждать своей участи.

Хозяин вернулся, поглядел на завязанный палец Ларса и сразу все понял, — даже заходить в запретную комнату ему не понадобилось.

Сорвал он с Ларсовой руки повязку, — и засиял, засверкал золотой палец.

Не долго думая хозяин схватил меч, чтобы отрубить голову своему непослушному слуге, но Ларс упал на колени, умоляя пощадить ему жизнь. В конце концов хозяин смилился над ним и отстегал его ремнем так, что Ларс не мог ни ходить, ни лежать, ни сидеть.

Пришлось хозяину достать свой волшебный рог и целебной мазью смазать Ларсу рубцы. Рубцы зажили, и все опять пошло по-прежнему.

И вот в четвертый раз уехал хозяин.

— Теперь я вернусь только через месяц, — сказал он Ларсу. — И вот тебе мое слово: не сносить тебе головы, если ты войдешь в четвертую комнату. На этот раз я уж сдержу свое слово, будь уверен.

Три недели Ларс даже мимо той двери не проходил. А потом так захотелось ему войти в запретную комнату, что он махнул на все рукой и вошел.

Что же он там увидел?

В углу комнаты была устроена загородка и там, в стойле, стоял черный конь. На голову ему был надет грязный мешок, а к хвосту привязана корзина с сеном.

— Это кто же над тобой так подшутил?! — воскликнул Ларс. Он сбросил мешок на пол, а корзину поставил возле морды коня.

Конь, видно, был очень голоден. Он съел все сено, что было в корзине, и только потом сказал:

— Спасибо тебе, юноша. Ты накормил меня и спас от голодной смерти. За это и я спасу тебя. Пойди в комнату, где спит хозяин этого дома, и выбери себе доспехи, только не новые, блестящие, а те, что покрыты ржавчиной. Возьми меч — самый ржавый, седло — самое старое, и возвращайся сюда.

Ларс все сделал, как велел ему конь. Правда, меч был такой тяжелый, что Ларс едва доволоч его. А поднять его он даже двумя руками не мог.

— Ну, теперь раздевайся и лезь в котел, что стоит в соседней комнате, — сказал конь.

— Да я же весь золотом покроюсь — вот как мой папелец — и шевельнуться тогда не смогу, — сказал Ларс.

А конь ему отвечает:

— Кто в этот чан украдкой залезет, того золото по рукам-ногам сковывает. А кто смело в чан бросится, с тем плохого не будет.

Послушался Ларс коня и прыгнул в кипящий котел, с головой в него окунулся. А вышел из котла — и не узнать его. На щеках румянец играет, волосы золотом горят. И сила в руках такая, что всё ему нипочем.

— Попробуй-ка подними меч, — сказал ему конь.

Ларс взялся за меч — и даже в руке его не почувствовал, точно это был не меч, а перышко.

— Теперь оседлай меня. А сам надень доспехи, возьми ветку терновника, кувшин с водой, булыжник, да еще прихвати бараний рог с целебной мазью — и отправимся в путь!

Ларс взял всё, что велел ему конь, вскочил в седло, и конь пустился вскачь.

Они неслись быстрее ветра, быстрее камня, падающего с горы. Но вдруг черный конь поднял голову и сказал:

— Я слышу топот. Оглянись, может быть, это за нами гонятся.

Ларс оглянулся.

— Так и есть, гонится за нами какое-то чудовище.

— Это наш хозяин—тролль. Брось скорее ветку терновника, да подальше, чтобы она меня не коснулась,— сказал черный конь.

Ларс привстал в седле и бросил на дорогу ветку высохшего терновника.

И тотчас позади них поднялась густая колючая чаща, настоящий терновый лес.

Тролль добежал до этих колючих зарослей, сунулся было напролом, да так и взвыл от боли.

Пришлось ему возвращаться назад за топором и за подмогой.

Тем временем черный конь с Ларсом еще дальше ускакали.

Бежит конь во всю прыть и опять слышит позади себя топот—сильнее прежнего.

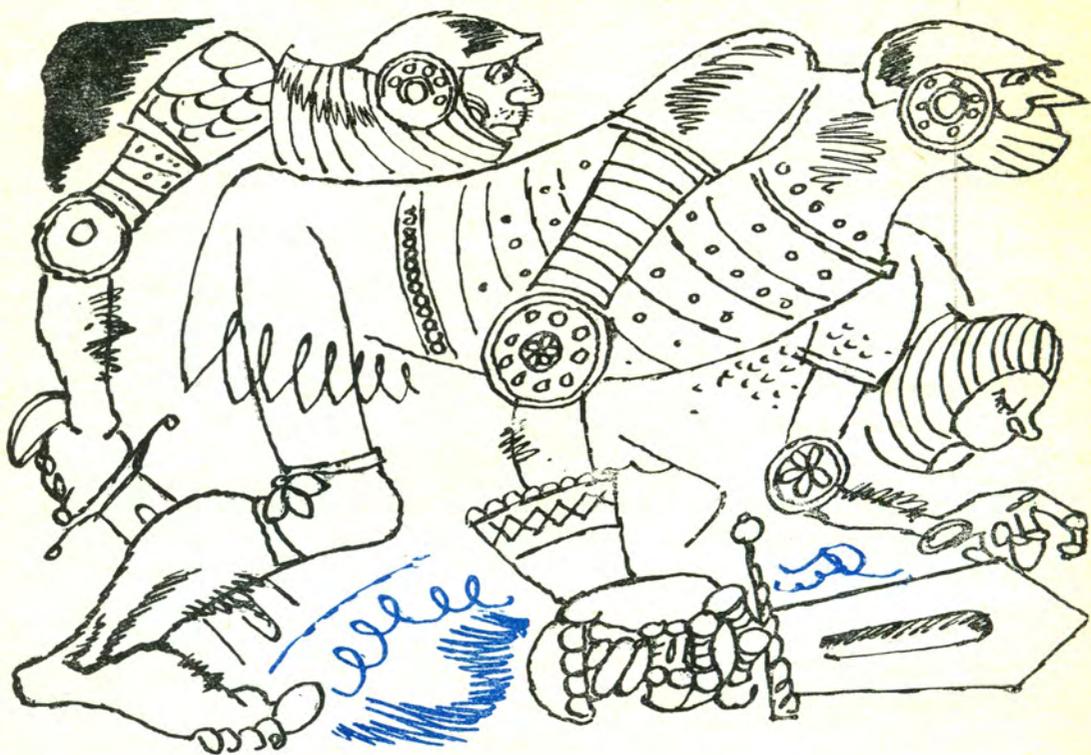
— А ну, оглянись назад, посмотри, что там такое?

Ларс оглянулся и говорит:

— За нами целая толпа гонится.

— Это тролль и его нелюди. Бросай в них скорее булыжник, только меня не задень.

Размахнулся Ларс что было силы и бросил булыжник. И сразу выросла на том месте высоченная гора. Тролли ее и зубами грызли, и когтями крошили, а ничего сделать не смогли. Пришлось им в обход горы бежать.

А черный конь с Ларсом по прямой дороге все дальше и дальше скачет.

И вот снова услышал черный конь топот, снова почувал, что дрогнула под ним земля.

— Погляди, кто там за нами гонится? — сказал он Ларсу.

— Да там целое войско! — воскликнул Ларс. — Все в доспехах, с мечами, с копьями!

— Ну так скорей вылей воду из кувшина, да смотри, чтобы ни одна капля на меня не попала.

Перегнулся Ларс через седло и стал выливать на дорогу воду. И как он ни старался, а все-таки одна капля упала на коня. Сразу конь с Ларсом оказались в глубоком озере. Разлилось оно во все стороны, так что и берегов не видно.

Едва выплыл черный конь на сушу.

А тролли и ступить в воду побоялись. Легли они у берега и решили выпить озеро. Пили, пили, и так напились, что все лопнули.

Никто, конечно, о них не пожалел и не пожалеет, а черный конь сказал:

— Ну наконец-то мы от них избавились!

Долго еще они ехали, пока не увидели густой лес, а в лесу — зеленую поляну. Возле старой липы с огромным дуплом конь остановился и говорит:

— Теперь расседлай меня, все свои доспехи спрячь в дупле, одну только уздечку оставь себе, и ступай в королевский замок. Да сначала сделай себе парик из мха, чтобы золотые волосы закрыть. В замке проси какую-нибудь работу. А если в чем нужда будет, приходи сюда. Тряхни уздечкой — и я тотчас явлюсь. Замок тут недалеко, — тропинка тебя прямо к нему приведет.

И вот Ларс в старом платье и в парике отправился в королевский дворец.

Сначала он пошел на королевскую кухню и стал просить работу у королевской поварихи. Он может носить дрова, таскать воду из колодца, — да мало ли что нужно еще на кухне.

Но повариха, чуть увидела его, сразу прогнала прочь.

— Куда ты лезешь, лохматый, нечесаный! И ты еще воображаешь, что я пушу тебя в кухню? Уходи, уходи отсюда!

Тогда Ларс пошел в королевскую конюшню. Но конюх даже руками замахал, когда услышал, что Ларс просится к нему в услужение.

— Да королевские лошади на дыбы встанут, если тебя увидят! Хорош красавчик, нечего сказать! На голове не волосы, а целая болотная кочка! Ступай, ступай отсюда.

Тогда Ларс пошел к королевскому садовнику. Тот оказался более сговорчивым.

— Что ж, оставайся. Будешь землю копать. Для этого красивой прически не требуется. А спать будешь под беседкой.

Беседка стояла в саду на высоких столбиках. Там, под лесенкой, которая вела в беседку, Ларс нашел немного сена и устроил себе постель.

Так и стал он жить в королевском замке. Садовник был им доволен, — никто из работников не мог быстрее Ларса вскопать землю, никто не мог, как Ларс, принести разом целую бочку воды. А Ларсу всё было нипочем.

Одного только боялся садовник — как бы Ларса не увидели король и принцесса. Они никогда бы не потерпели, чтобы за их садом ухаживал такой нечесаный неряха.

Да все случилось не так, как он думал. Однажды, когда Ларс рано утром снял парик и стал умываться, принцесса увидела его из своего окна.

Волосы его блестели, как солнце, и куда ни повернется он, повсюду сверкал золотой луч.

А потом он снова надел парик, и сразу все кругом словно потускнело.

На другое утро — ни свет ни заря — принцесса велела своей служанке подкрасться потихоньку к Ларсу, пока он спит, и снять с него этот отвратительный парик.

Принцесса стояла у окна, а служанка тихонько пробралась к беседке и уже протянула руку к парику, но тут Ларс повернулся на другой бок и громко захрапел.

Служанка так и замерла на месте. Но принцесса подала ей знак, и служанка осторожно сняла парик с головы Ларса. И сразу будто золотое сияние разлилось вокруг. Никогда еще ни служанка, ни принцесса не видели такого красивого юноши.

Потом служанка так же осторожно надела Ларсу на голову его парик и побежала к своей госпоже.

За обедом принцесса сказала королю, что она не хочет выходить ни за принца, ни за герцога, которых ей сватают,

а выйдет замуж только за парня, который работает у них в саду.

Король так рассердился, он так кричал и топал ногами, что всем стало страшно.

Но принцесса твердо стояла на своем,— или молодой садовник, или никто.

Тогда король приказал запереть принцессу в ее покоях и держать ее днем и ночью под замком до тех пор, пока она не одумается.

А Ларса он приказал заточить в башню и держать там столько времени, сколько вздумается королю.

Так и сделали.

Король радуется, что избавился от беды, а другая беда уже в ворота к нему стучится — сосед войной на него идет, его королевство захватить хочет.

Тут уж волей-неволей будешь воевать.

Увидел Ларс из окошка своей башни, что королевское войско собирается в поход, и просит тюремщика:

— Пойди к королю, может, позволит король и мне с врагом сразиться.

Ну и смеялся король, когда услышал, что Ларс просится на войну!

— Уж, верно, неприятель сразу отступит, когда увидит такого воина!.. Ну да пусть идет, коли хочет.

Дали Ларсу сломанный меч, дали старую клячу, которая на три ноги хромала, а четвертую волочила, и Ларс, вместе со всем королевским войском, отправился на войну.

Немного отъехали — и увязла его кляча в болоте. Ларс ее и пришпоривал, и хлестал, а она ни с места — ни туда ни сюда.

Так и прошло мимо него все королевское войско, да каждый над ним еще и потешался!

А когда все скрылись из виду, Ларс спрыгнул со своей клячи и побежал на зеленую лужайку, к старой липе. Он достал из дупла доспехи, надел их, а потом вынул из кармана уздечку и легонько потряхнул.

Зазвенела уздечка, и в ту же минуту перед Ларсом появился черный конь.

— Садись,— говорит,— на меня и ничего не бойся. Руби врага, делай свое дело, а уж я тебя не подведу.

Когда Ларс догнал войско, бой уже был в разгаре. Неприятель со всех сторон так и наседал. А Ларс вырвался вперед, взмахнул своим чудесным мечом — и сразу дрогнули вражьи ряды.

Взмахнул второй раз — и без оглядки побежало вражье войско.

Всё дальше и дальше гонит Ларс неприятеля, и кого его меч коснется, тот замертво падает на землю.

В королевском войске только удивляются: кто этот храбрец, откуда взялся такой? Все друг у друга о нем спрашивают, а его уже и след простыл.

Вечером, когда возвращалось королевское войско домой, Ларс по-прежнему топтался посреди болота и понукал свою клячу.

Снова все над ним посмеялись.

— Глядите-ка, этот дурак все еще со своей клячей воует!

И проехали мимо.

На другой день опять двинулось королевское войско на врага. Опять посмеялись все над Ларсом и его клячей и оставили его одного барахтаться в болоте.

А в разгар боя снова неведомо откуда прискакал воин в боевых доспехах и разогнал вражьи ряды.

Вечером, когда войско возвращалось домой, Ларс опять воевал в болоте со своей клячей,

Кто мимо него ни проедет, всякий для него словечко найдет.

Один советует:

— Ты бы свою лошадку на себе понес! Скорее дело будет!

Другой спрашивает:

— Может, продашь своего скакуна? Я куплю!

Третий кричит:

— Подпорки бы своей кляче смастерил!

А нашелся и такой весельчак, что выстрелил в Ларса из лука и стрелой поранил ему ногу.

Тут уж Ларс не стерпел. Он принялся так стонать и охать, что даже сам король разжалобился и бросил ему свой платок — перевязать рану.

На третий день было то же самое.

Выезжает войско из королевского замка, и Ларс со всеми на своей кляче. Доехали до болота, и опять — стала кляча — и ни с места.

— Нет, он тут дождется, что его лягушки съедят! — сказал кто-то.

И все дружно засмеялись.

А когда войско скрылось из виду, Ларс опять побежал к старой липе, снарядился, вскочил на черного коня и поскакал к месту сражения, туда, где звенели мечи и свистели стрелы.

С ходу врезался он в самую гущу боя и убил вражеского короля.

На этом и война кончилась.

А Ларс подъехал к своему королю — и все увидели, что нога у этого безвестного смельчака перевязана королевским платком. Тут уж всякий догадался, что спасителем королевства был не кто иной, как подручный садовника.

— Так что же ты прикидывался бездомным бедняком, когда на самом деле ты знатный юноша? Какого ты рода-племени? Где твое королевство? — спросил король.

— Нет у меня никакого королевства, и никем я не прикидывался. Я и вправду бедняк, сын бедной вдовы, — сказал Ларс.

— Жаль, конечно, да что поделаешь! — сказал король. — Но кто бы ты ни был, а все-таки ты спас мое королевство.

И король сейчас же во всеуслышанье объявил, что отдает Ларсу в жены свою дочь да и корону в придачу. Пусть теперь он правит королевством!

Всем раненым Ларс смазал раны целебной мазью, которую прихватил у тролля, и с веселыми песнями войско вернулось домой.

Когда принцесса увидела, что впереди войска едет Ларс, она от радости стала прыгать на одной ноге.

— Вот мой жених! Я же говорила, что лучше его нет никого на свете.

На другой день и свадьбу решили сыграть.

Утром молодой король пошел в конюшню проведать черного коня, посмотреть, хорошо ли его накормили и напоили.

Конь стоял грустный, понурый.

— Я помог тебе стать счастливым, помоги теперь и ты мне, — сказал он Ларсу.

— Да я для тебя все, что хочешь, сделаю, — сказал Ларс.

— Тогда возьми меч и отруби мне голову. Ну что за жизнь у коня! Не хочу я больше так жить.

— Что ты, что ты! — воскликнул Ларс. — Ни за что я не соглашусь тебя убить! И что это ты вздумал! Разве я тебя обижу когда-нибудь! У тебя все будет, чего только ты ни попросишь.

Но черный конь ничего не хотел слушать.

— Если ты не отрубишь мне голову,— сказал он,— тогда я тебя убью.

Пришлось молодому королю согласиться.

Поднял он меч над головой черного коня, а сам зажмурился, чтобы не видеть, как умрет его верный товарищ.

Открыл глаза — что за чудо? На том месте, где был конь — стоял теперь прекрасный юноша.

— Кто ты такой? Откуда ты явился? — спросил Ларс.

— Разве ты меня не узнаешь? — сказал юноша. — Не узнаешь своего черного коня? Да ведь я не всегда был конем. Мое королевство захватил тот король, которого ты вчера убил. Он продал меня троллю, а тот заколдовал меня. Ты снял с меня его заклятье и спас мое королевство. Теперь мы с тобой будем жить добрыми соседями и уж никогда не будем друг с другом воевать.

Так оно и было. Оба молодых короля прожили много лет, оба состарились, но всю жизнь между ними были мир и дружба. Часто они ездили друг к другу в гости и никогда не ходили друг на друга войной.

КОРОЛЕВСКИЕ
ЗАЙЦЫ

У одного старика было три сына. Старшего звали Пер, среднего — Поль, а младшего Эспен, по прозванию Лежебока. Хотя, если правду говорить, все трое были порядочные лентяи. Делать они ничего не хотели потому, что для всякой работы они, видите ли, были слишком хороши, а для них всякая ра-

бота была слишком плоха.

Как-то раз услышал старший брат Пер, что король ищет пастуха для своих зайцев, и говорит:

— Вот эта работа по мне! Ни забот, ни хлопот. Зайцы ведь не коровы, не лошади: их ни купать, ни поить, корму им не задавать... А честь не малая — как-никак самому королю служишь!

Отец стал его отговаривать.

— Да куда тебе, сынок, в пастухи наниматься! Зайцев пасти — не то что галок в небе считать. Ты вот с утра до вечера на лежанке валяешься, так тебе с боку на бок и то повернуться лень, а пойдешь в заячьи пастухи, — только успевай во все стороны вертеться.

Но сколько ни говорил отец, лишь напрасно слова трагил.

Уж если Пер что-нибудь вбил себе в голову, — значит, так тому и быть. Вскинул он дорожный мешок за плечи и пошел наниматься к королю.

Шел он, шел и зашел так далеко, что дальше, кажется, уж некуда. Вдруг видит: у самой дороги стоит пень, а возле пня — старуха. Топчется старуха на одном месте, а отойти не может, будто кто ее привязал. Только на самом деле никто ее не привязывал, а просто это нос у нее в расщелину попал, — вот ей и не отойти от пня.

Как увидел это Пер — давай хохотать!
Рассердилась старуха.

— Ну чего зубы скалишь? — говорит. — Ты бы лучше помог мне. Вот уже сто лет прошло, а я дальше своего носа ничего не вижу. Крошки во рту не держала, маковой росинки не отведала.

Пер захохотал пуще прежнего.

— Вот это потеха так потеха!.. Ну, коли ты сто лет терпела, так можешь еще сто потерпеть! — сказал Пер. И пошел дальше.

Пришел он в королевский замок и потребовал, чтобы его провели прямо к королю.

Король сидел на золотом троне в короне и мантии.

Он милостиво принял Пера, и они быстро обо всем сговорились. Работы от Пера не требовалось никакой, только пасти зайцев, а еду и жалованье король назначил ему прямо королевские. Правда, король сказал, что, если хоть один заяц из его королевского стада пропадет, у Пера вырежут из спины три ремня, а самого его бросят живым в змеиный ров. Ну да Пера не так-то легко было запугать. Он и слушать про это не стал и сразу потребовал себе королевский ужин.

На другой день Пер отправился пасти зайцев.

Зайцы оказались послушными и смирными, как ягнята. Они чинно шли по лугу, и ни один не отбил от стада даже на полшага. Но едва только Пер дошел до леса, как зайцы, словно за ними неслась стая гончих, бросились врассыпную, кто куда. Пер с ног сбился, гоняясь за ними, да где там! Разве зайца догонишь!

Целый день бегал Пер по холмам, по горам, но не поймал даже самого маленького зайчонка. Так и вернулся он в королевский замок один, без стада.

А в замке его уже поджидал палач с острым ножом в руках. Палач вырезал у Пера из спины три ремня и бросил Пера в змеиный ров.

Одним словом, что король пообещал, то Пер и получил.

Прошло немного времени, и стал средний брат Поль собираться в путь-дорогу. Тоже легкой работы захотел.

Уж как только отец его не отговаривал! Но Поль, так же, как и Пер, и слушать его не стал. Вскинул Поль дорожный мешок за спину и пошел наниматься в королевские пастухи.

Ну, про это и рассказывать долго не стоит. Все, что случилось с Пером, случилось и с Полем.

По дороге увидел он ту же самую старуху и пожелал ей — так же, как и его старший братец — простоять, не сходя с места, еще его лет.

Потом он пришел в королевский замок, нанялся в пастухи, утром вышел из ворот замка с целым стадом, а вечером вернулся в королевский замок без единого зайца.

Ну и дальше все было точь-в-точь, как с его старшим братом: вырезали у Поля из спины три ремня, а самого его бросили в змеиный ров.

Пришло время Эспену собираться в путь.

— Чем я хуже братьев? — говорит Эспен. — Зайцев пасти — дело не трудное. Лежи себе, полеживай, грейся на солнышке да по сторонам поглядывай. От такой работы грех отказаться.

— Да что ты, сынок! — говорит ему отец. — Не берись не за свое дело, не по тебе эта работа. За таким зверем, как заяц, не то что бегать — птицей летать надо. А ты, как муха, прилипшая к смоле, ползаешь. К ногам у тебя словно гири стопудовые привязаны. Зайца поймать — не то что блоху

рукавицей убить. Пропадешь ты, как пропали твои старшие братья. Лучше бы ты дома сидел. А работа и здесь найдется.

Но Эспен и слушать отца не стал. Недолго думая вскинул он дорожный мешок за плечи и отправился в путь.

Шел он, шел и порядком проголодался. Вдруг видит — у дороги стоит пень.

«Вот сяду я на этот пенечек да и подкреплюсь немного», — думает Эспен.

Подходит — что за диво! — старуха носом в пень вросла. — Добрый день, бабушка! — говорит Эспен. — Что это ты тут стоишь? Носик свой точишь?

— Какое там — нос точу! Хотела я себе щепок наколоть, обед сготовить, — говорит старуха, — да и попала невзначай носом в щель. Сто лет возле этого пня стою, сто лет не пила, не ела и никто меня не пожалел, — ты первый ласковое слово сказал. Сослужи мне, добрый человек, службу, помоги нос вытащить, а уж я тебя отблагодарю, в долгу не останусь.

Ну, Эспен живо скинул мешок, вогнал в расщелину пня толстый клин, — старуха и вытащила нос из щели.

— А теперь, бабушка, — говорит Эспен, — давай закусим. Самое время сейчас завтракать.

Достал Эспен из мешка хлеб и сало и протянул старухе. Сами понимаете, уговаривать ее не пришлось — за сто лет порядком проголодалась!

Поела старуха как следует и говорит:

— Ну, парень, ты меня пожалел, от беды избавил, и я тебя пожалею, от беды спасу. На вот, возьми эту дудочку. Эта дудочка не простая. Свистнешь в один конец — все от тебя мигом разбегутся, свистнешь в другой конец — все к тебе назад прибегут. Да к тому же эта дудочка ни-

когда не потеряется: продашь ли ты ее, или обронишь, или выманят ее у тебя,— она все равно к тебе вернется.

— Вот это подарок! — говорит Эспен. — Спасибо тебе, бабушка!

Он засунул дудочку поглубже за пазуху,— потому что хоть и волшебная она, хоть и не мог никто ее украсть, а все-таки лучше ее от чужих глаз подальше припрятать,— потом распрощался со старухой и пошел своей дорогой.

Приходит он к королевскому замку, а там его как раз и ждали. Король сразу нанял его в пастухи, положил ему хорошее жалованье и даже пообещал отдать за него принцессу, если только он будет исправно пасти зайцев.

— Ну, а если не убережешь стадо,— сказал король,— тогда пеняй на себя: вырежут у тебя из спины три ремня, а самого тебя бросят в змеиный ров.

— Что ж, согласен! — сказал Эспен. — А теперь давайте-ка мне скорее ужинать, а то с дороги я очень проголодался.

Поел Эспен, поспал, а утром, чуть свет, повел зайцев на луг. Да прежде чем за ворота замка выйти, говорит королевским слугам:

— А ну-ка, сосчитайте ваших зайцев, чтобы потом лишних споров-разговоров не было.

— Чего там считать,— говорят ему слуги,— они у нас давно пересчитаны. Ровным счетом девяносто девять зайцев.

— Ну, девяносто девять так девяносто девять.

Ушел Эспен.

А король, чуть только закрылись за ним ворота, приказал сейчас же точить нож, да поострее! Король отлично знал, что никакому пастуху не уберечь зайцев,— будь их девяносто девять или сто, или десять,— все равно.

Тем временем Эспен преспокойно пас себе зайцев.

Зайцы шли по лугу так чинно и послушно, словно они были не зайцы, а смиренные овечки. Ни один не отобьется, не вырвется, все друг к другу жмутся, один другого держится.

Так потихонечку, полегонечку добрел Эспен со своим стадом до опушки леса. И тут, словно бес какой вселился в зайцев, все кинулись врассыпную.

Да только Эспен не стал особенно горевать.

— Скачите,— говорит,— себе на здоровье куда ваши косые глаза глядят.

Достал он свою дудочку, да еще и посвистел зайцам вслед, чтобы они подальше убрались и не мелькали перед глазами.

А сам преспокойно улегся на травке, да так и проспал весь день.

Вечером, когда солнце спряталось за горами, Эспен снова достал свою дудочку и только свистнул разок, как все зайцы сбежались на лужайку. Да мало того, что сбежались, а еще выстроились рядами, точь-в-точь как солдаты на параде.

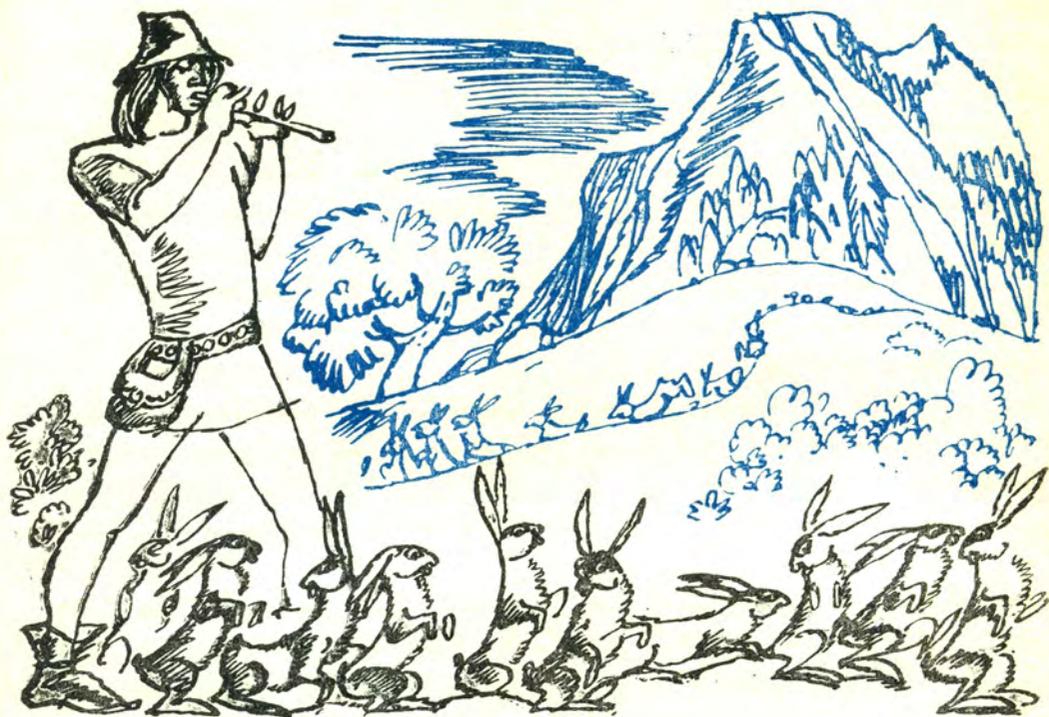
— Ну, теперь — шагом марш! — скомандовал Эспен и повел зайцев в королевский замок.

В это самое время король, королева и принцесса вышли из своих покоев, чтобы поглядеть, как палач будет справляться с Эспеном. И вдруг видят: идет себе по дороге Эспен, а за ним — в целости и сохранности — заячье стадо. Все так удивились, что глазам своим не поверили. Да и было чему удивляться! Зайцы шли в ногу, точно солдаты, а впереди шагал Эспен и наигрывал на дудочке марш.

У ворот замка Эспен остановился и скомандовал:

— Раз! Два! Смирно!

И зайцы, притопнув лапками, остановились и замерли.

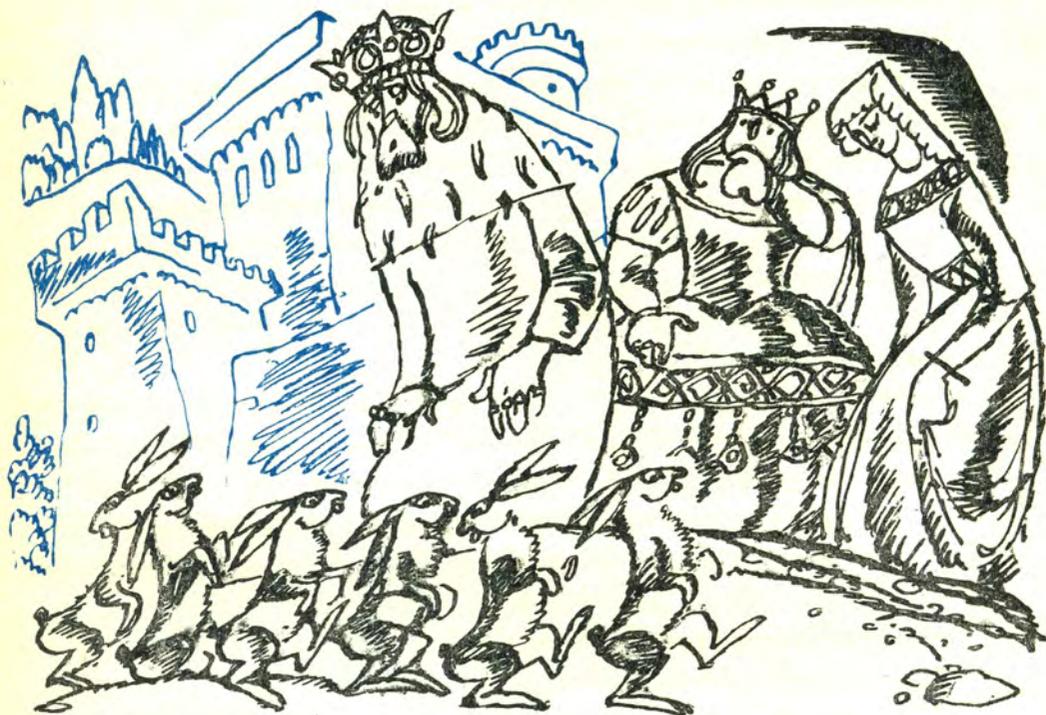

Тут уж король не выдержал и, забыв о своем королевском достоинстве, принялся сам считать зайцев.

Как только он не старался! И справа налево считал, и слева направо пересчитывал, и с начала до конца, и с конца до начала, а все-таки зайцев было ровно девяносто девять, откуда ни считай, и ни одним меньше.

Тогда королева и принцесса тоже стали пересчитывать зайцев. Но и это не помогло ни на волос,— зайцев было ровно девяносто девять.

— Я вижу, ты неплохой пастух,— проворчал король и, не глядя на Эспена, пошел в замок. Король был очень недоволен.

А принцесса подумала:

«Вот это молодец так молодец!» — и ласково взглянула на Эспена.

На другой день Эспен снова пошел в лес со своим стадом.

Зайцев он разогнал подальше, чтобы они не мелькали у него перед глазами, а сам спать улегся на травке.

Солнышко ласково припекало, земляники кругом было столько, что Эспен, не сходя с места, собирал ее целыми пригоршнями, под боком у него была сумка, доверху набитая и печеным, и соленым, и жареным, а в кармане лежала волшебная дудочка.

Кажется, чего уж лучше! И в самом деле, Эспен ничего лучшего и пожелать не мог!

А король тем временем не знал ни одной спокойной минуты. Он даже от завтрака отказался и все думал да раздумывал, как это Эспен ухитрился собрать всех зайцев. А так как додуматься он все равно не мог, то он решил сделать вот что: подослать к Эспену фрейлину, чтобы она выведала у Эспена его секрет.

Фрейлина не очень-то обрадовалась такому поручению.

Слыханное ли дело, чтобы первая фрейлина королевского двора разговаривала с простым пастухом! Но король не любил, когда с ним спорили, и ей пришлось пойти.

С кочки на кочку, от цветочка к цветочку, точно стрекоза, запрыгала она по лужайке и наконец добралась до опушки леса.

Разговор она начала издалека.

— Добрый день, Эспен!

— Добрый день, фрейлина!

— Не правда ли, какая хорошая погода, Эспен!

— Ваша правда, отличная погода, фрейлина!

— И птички как хорошо поют!

— Прекрасно поют, фрейлина!

Фрейлина замолчала, не зная, что бы еще сказать.

И Эспен молчал.

— Послушай, Эспен, а что ты тут делаешь? — спросила, наконец фрейлина.

— Как видите, пасу зайцев.

— Да ведь они у тебя все разбежались, — засмеялась фрейлина. — Я ни одного не вижу.

— Что ж, что разбежались, — сказал Эспен. — Когда надо будет, я их позову, они все и сбегутся ко мне.

— Это удивительно! — воскликнула фрейлина. — И почему это зайцы тебя слушаются?

— Да они не меня слушаются, а мою дудочку, — сказал Эспен. — Вот, поглядите сами.

Эспен дунул в свою дудочку, и верно, — все зайцы мигом сбежались на лужайку.

— А хотите, дуну еще раз, и все зайцы снова разбегутся.

Эспен дунул еще раз, и верно, — все зайцы разбежались.

— Ах, Эспен, что за прелесть эта дудочка, — воскликнула фрейлина. — Не продашь ли ты ее? Я охотно дам тебе за эту дудочку сто талеров.

— Сто талеров, пожалуй, маловато за такую дудочку, — сказал Эспен.

— Да что ты, Эспен! Надо все-таки и совесть иметь! Ты только подумай — сто талеров! Тебе, верно, и не снились такие деньги!

— Что правда, то правда, — больше одного талера я никогда ни во сне, ни наяву не видал. Ну ладно, давайте мне сто талеров, а в придачу снимите-ка с меня сапоги. Жара такая, что шевельнуться неохота.

Ух как рассердилась фрейлина!

— Невежа! Грубиян! Как ты смеешь!.. Чтобы я, первая фрейлина королевского двора, снимала сапоги с какого-то пастуха!..

— Да ведь я вас не заставляю, — сказал Эспен. — Не хотите, не надо. Только дудочку я иначе не отдам.

Фрейлина чуть не заплакала от досады.

Нет, она ни за что не станет снимать сапоги с этого невежи! Во-первых, она знатная дама, первая фрейлина при дворе короля. Во-вторых, кто-нибудь может увидеть это, и тогда все придворные поднимут ее на смех...

Но что там ни говори, а ведь без дудочки нельзя в замо́к вернуться.

Она поглядела по сторонам. Нигде никого не было.

— Давай сюда ногу! — решительно сказала фрейлина.

Она зажмурила покрепче глаза, чтобы даже самой не видеть того, что делает, и стащила с Эспена сапоги — сперва левый, потом правый.

Наконец все было кончено. Фрейлина отсчитала сто талеров, получила взамен дудочку и, очень довольная тем, что все так хорошо обошлось, побежала домой.

Но все обошлось не так уж хорошо. Когда фрейлина пришла в замо́к, дудочки у нее не было.

Она готова была поклясться чем угодно, что не потеряла дудочку, а все-таки дудочки у нее не было. И в этом нет ничего удивительного. Ведь фрейлина не знала, что дудочка эта — самая волшебная из всех волшебных дудочек на свете, и что она всегда возвращается к своему хозяину, кто бы ее ни взял, куда бы ни спрятал.

Так оно и случилось. Не прошло и пяти минут после того, как фрейлина ушла, а дудочка уже лежала в кармане у Эспена и, когда наступил вечер, он опять собрал всех зайцев и привел их в королевский замо́к — всех до одного!

На следующий день король и королева решили подослать к Эспену принцессу:

— Уж она-то выманит дудочку у Эспена, — сказала королева.

Принцесса сразу приступила к делу.

— Послушай, Эспен, — сказала она голосом нежным, как пенье жаворонка, — я знаю, ты такой добрый, что не откажешь мне в просьбе. Моя фрейлина говорила, что у тебя есть чудесная дудочка. Продай мне эту дудочку! Я дам тебе за нее двести талеров.

— Такую дудочку я бы никому и за тысячу талеров не уступил,— сказал Эспен.— Но вам, прекрасная принцесса, уж так и быть, отдам за двести, только вдобавок набейте-ка мне трубку да раскурите ее хорошенько.

—Ты, кажется, с ума сошел! — закричала принцесса и даже топнула ножкой. — Я скажу моему отцу, чтобы он сегодня же отрубил тебе голову. Ты забываешь, что я принцесса!

— Ну что ж, что принцесса,— преспокойно сказал Эспен.— А такой дудочки и у вас нет.

«Это верно»,— подумала принцесса. Потом еще немного подумала и сказала:

— Ну, ладно, давай сюда трубку.

Принцессе пришлось немало потрудиться, прежде чем она раскурила трубку. От горького дыма слезы ручьем катились у нее из глаз, а в носу у нее так щекотало, что она чихнула по крайней мере двадцать семь раз. И это еще не так много,— ведь она была самая настоящая принцесса, а принцессы трубок, как известно, не курят.

Наконец противная трубка раскурилась, принцесса отдала Эспену двести талеров, получила дудочку и бегом побежала домой.

Всю дорогу она так крепко сжимала кулак, в котором держала дудочку, что у нее даже рука онемела. И все-таки, когда принцесса вернулась в замок, оказалось, что дудочки у нее нет, словно она сквозь пальцы выскользнула.

Тогда сама королева решила идти к пастуху.

Надо сказать, что королева была скуповата и никогда денег на ветер не бросала, но тут она сразу, не торгуясь, обещала Эспену триста талеров.

Но Эспену даже этого было мало. Он захотел, чтобы королева еще почистила ему куртку.

Сначала королева отказалась наотрез и даже припугнула пастуха змеиным рвом.

Но дудочку надо было получить во что бы то ни стало. Что же королеве оставалось делать, как не согласиться? И она согласилась.

Правда, куртку королева вычистила из рук вон плохо, но много с нее и нельзя было спрашивать,—ведь все-таки она была королева.

Получив дудочку, она крепко-накрепко завязала ее в свой шелковый носовой платок, а платок спрятала в кружевной рукав.

Но это нисколько не помогло, и, когда королева вернулась в замок, платок был на месте, и завязан он был по-прежнему, а дудочки в нем не было.

Тут уж король совсем рассердился.

— Что за ерунда! Я вижу, что у меня в королевстве никто ничего не умеет делать. Придется идти мне самому. Иначе мы так и не получим эту дурацкую дудочку.

И вот на следующее утро король отправился в лес.

Он милостиво кивнул Эспену и запросто уселся рядом с ним на травку.

Король угостил Эспена своим королевским табаком и даже дал ему затянуться из своей королевской трубки. Они беседовали как самые добрые друзья, и никто бы не сказал, что один из них — король, а другой — пастух.

Когда все любезности были закончены, король наконец приступил к делу.

— Послушай, Эспен,—сказал он, пуская дым кольцами,—говорят, у тебя есть какая-то дудочка.

— Да, есть,—сказал Эспен.—Она, правда, не золотая, но ни один король не отказался бы от такой дудочки.

И он вытащил ее из кармана.

Дудочка, и верно, на вид была неказистая.

Король долго рассматривал ее и для верности даже испробовал ее волшебную силу. Дунул в один конец,— и все зайцы сбежались, дунул в другой, — все зайцы разбежались.

— Да, отличная дудочка,— сказал король.— Я понимаю, что даром ты ее не отдашь. Но я король и во всем поступаю по-королевски,— я даю тебе за эту дудочку тысячу талеров.

— Тысяча талеров это, конечно, не мало, но для такой дудочки и тысяча талеров цена небольшая. Ну да вот что: видите, там на лугу пасется белая лошадь?

— Конечно. Это моя королевская лошадь. Если хочешь, я дам тебе ее в придачу.

— Нет уж, оставьте ее себе. А я хочу вот что: дайте мне тысячу талеров и поцелуйте эту лошадь, тогда дудочка будет ваша.

Король был очень смущен.

— Послушай, Эспен, нельзя ли придумать какое-нибудь другое условие?

— Нет, ни на что другое я не согласен,— сказал Эспен и лениво зевнул.

— Ну, а можно мне поцеловать лошадь через шелковый платок?

— Через платок? — Эспен задумался.— А он королевский?

— Ну конечно, королевский. Он мой, а я — король, значит, платок королевский.

— Ладно, на это я согласен. Целуйте через платок.

И вот — вы только представьте себе! — король подошел к лошади, накрыл ей морду своим королевским платком и звонко чмокнул лошадь три раза.

После этого он отсчитал Эспену тысячу талеров, взял дудочку, положил ее в кошелек, кошелек положил в карман, а карман застегнул на пуговицу. И не на какую-нибудь, а на королевскую, потому что у короля даже пуговицы королевские.

Вернувшись в замок, король позвал королеву, принцессу и фрейлину, расстегнул карман, вынул оттуда кошелек, раскрыл его — и что же вы думаете? — дудочки в нем как не бывало.

Это было уж слишком!

Король так рассердился, что решил немедленно казнить Эспена.

Королева была совершенно согласна с королем, а это случалось не так уж часто.

И вот, когда вечером Эспен привел стадо в замок, король сказал ему, что сегодня его казнят.

Эспен очень удивился.

— Это несправедливо, — сказал он. — Я исправно пас заячье стадо, и теперь вы должны не казнить меня, а отдать мне в жены свою дочь.

— Пустяки, — ответил король, — сказал казню, значит, казню. Я король, и мое королевское слово неизменно. Разве вот что: если ты сумеешь наговорить целую бочку лжи, да так, чтобы ложь через край потекла, тогда я тебя, пожалуй, помилую.

— Ну, это проще простого! — сказал Эспен. — Прикажете только выкатить бочку.

И он стал рассказывать обо всем, что с ним было: как он пошел наниматься в пастухи, как встретил на дороге старуху, которая прищемила себе нос, как он помог ей вытащить нос и в награду за это получил волшебную дудочку.

Все очень смеялись над небылицами, которые сочинял Эспен.

— И вот,— рассказывал Эспен,— пришла ко мне первая фрейлина королевского двора и стала просить эту дудочку. Ей так хотелось получить эту дудочку, что она даже согласилась прислуживать мне и сняла с меня сапоги — сперва левый, потом правый!

— Неправда! — закричала фрейлина.

И все придворные закричали:

— Неправда!

— Ну, может быть, сперва правый, а потом левый! — сказал Эспен.

— Неправда! Неправда! Он все лжет! — кричала фрейлина чуть не плача.

— Да ведь мне и велено говорить неправду,— сказал Эспен.— Целую бочку надо наполнить ложью! Слушайте-ка лучше, что было дальше. На другой день явилась ко мне принцесса. Чтобы получить волшебную дудочку, ей пришлось набить и раскурить мне трубку...

— Это ложь! Как ты смеешь! — закричала принцесса.

— Ну конечно, ложь,— сказал Эспен.— Правдой бочку не наполнишь, вот я и плету невесть что... А потом пришла ко мне сама королева...

— Кажется, бочка уже совсем полна,— сказала королева, с беспокойством поглядывая на Эспена.

— Э нет, еще далеко не с верхом,— сказал король.

— Ну, раз не с верхом, надо еще врать,— сказал Эспен.— Так вот, пришла ко мне сама королева. Торговалась она и рядилась, словно на базаре, и все-таки пришлось ей выложить триста талеров и вычистить мне куртку.

Все придворные так и замерли, а Эспен как ни в чем не бывало спросил:

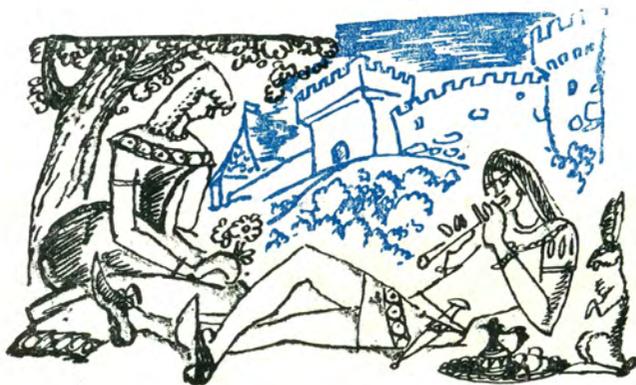
— Ну, как там,— полна уже бочка?
— Полна, совсем полна,— поспешно сказал король.
— Нет, нет, еще не с верхом,— решительно сказала королева.

Эспен почесал затылок.

— Что бы мне еще придумать? А, знаю! После всех пришел ко мне король. А как раз в это время на лугу паслась его белая лошадь...

— Стой! Стой! — закричал король.— Не видишь, что ли, ложь через край бьет!..

Так и пришлось королю отдать принцессу за простого пастуха, да в придачу еще подарить половину королевства, чтобы жил там Эспен Лежебока как ему вздумается, а на его королевскую половину и не заглядывал.

PAY

Жил-был Плут. Он только и делал, что плутовал, хитрил, обманывал, лукавил, одним пускал пыль в глаза, других обводил вокруг пальца, третьих водил за нос, словом, никому не давал покоя.

А правил той страной король, который и вовсе ничего не делал.

Как-то раз шел Плут по дороге и встретил короля.

— Куда ты идешь, Плут? — спрашивает король.

— Да вот ищу, кого бы обмануть.

— А ну-ка, обмани меня! Что, берешься?

— Куда там! — говорит Плут. — Шуточное ли дело — обмануть самого короля! А я, к тому же, самые свои лучшие плутни оставил дома.

— Ну так сходи за ними. Очень хочется мне посмотреть, такой ли ты ловкий плут, как говорят люди. Ну, ступай, ступай, а я тебя здесь подожду.

— Боюсь, долго вашему величеству придется ждать. Хожу-то я не так быстро, как плутую.

— А я тебе дам своего коня и седло, — сказал король.

— Да я и сесть-то на коня не умею. Конь ведь не пень! Но королю очень уж хотелось, чтобы Плут показал ему свои плутни.

— Мои слуги подсадят тебя, — сказал король, — ну а там уж ты как-нибудь доедешь!

Плут почесал затылок, подумал и сказал:

— Ладно, так и быть, подсадите!

Кое-как влез Плут на коня и затрусил по дороге.

Ну и потешалась же королевская свита, глядя ему вслед! А король — тот прямо до слез смеялся. Да и было над чем! Плут дрыгал ногами, размахивал руками, заваливался го

на один бок, то на другой,— вот-вот свалится, только неизвестно, на какую сторону.

Но едва только он скрылся с королевских глаз, как сразу дело пошло у него на лад: он хорошенько уселся в седле, пришпорил коня и во весь опор поскакал в город, словно он украл коня и за ним гналась погоня. И это было не далеко от правды, потому что в городе он продал королевского коня вместе с королевским седлом, а сам вернулся домой пешочком, но зато с кошельком, доверху набитым монетами.

Между тем король все прохаживался взад и вперед по дороге, поджидая Плута с его плутнями. То и дело он принимался смеяться, вспоминая, как Плут переваливался с боку на бок, сидя в седле. Ну прямо мешок с песком, а не наездник!

Однако время шло, а Плут не возвращался.

Вот уже солнце скрылось за лесом, стало совсем темно, а Плута все нет и нет.

Тут наконец король понял, что Плут попросту обманул его и увел у него из-под носа коня.

Король очень рассердился. Слыханное ли это дело, чтобы Плут без всяких плутней обманул самого короля!

«Завтра же его казню»,— решил король.

А Плут так и думал, что король, конечно, не спустит ему такой проделки.

Но так как дома все плутни были у него под рукой, он не очень-то боялся королевского гнева.

На другой день, с утра, Плут развел огонь в очаге и принялся варить в котелке кашу. И чуть только он услышал, что к его дому приближается король со своей свитой, он вынул горячий котелок из печки и поставил его на деревянный чурбан. А сам присел тут же на корточки и стал помешивать кашу ложкой.

Король распахнул дверь и, увидев, что Плут варит что-то на деревянном чурбаке, так удивился, что даже забыл зачем пришел.

— Послушай, Плут, что это ты делаешь? — спросил король.

— Варю кашу, — ответил Плут как ни в чем не бывало. — Если ваше королевское величество подождет немного, я смогу угостить дорогих гостей.

— Погоди, — сказал король, — как же это ты варишь кашу без огня?

— А на что мне огонь? — ответил Плут. — В этом котелке все что угодно сварится без всякого огня, — только успевай помешивать, чтобы не пригорело.

И Плут принялся старательно ворочать ложкой в котелке.

Король прямо глазам своим не верил. Он собственноручно приподнял крышку и заглянул в котелок. Верно, каша была совсем горячая и от нее шел вкусный пар.

— Послушай, Плут, — сказал король, — продай мне этот котелок. Я дам тебе за него сто талеров.

— Э, нет, — сказал Плут. — С этим котелком я словно король живу! Дрова покупать не надо, колоть-пилить тоже не надо... Помешивай ложкой в котелке — вот и вся забота!..

Королю очень не понравилось, что кто-то еще, кроме него, живет по-королевски. И он так рассердился, что даже вспомнил зачем пришел к Плуту.

— Вот что, Плут, — строго сказал король, — не забывай, что ты передо мной провинился. Я прекрасно понимаю, что вчера ты обманул меня, когда сказал, что оставил свои плутни дома. Они, конечно, были при тебе. Но я готов забыть старое, если ты продашь мне этот котелок. А не то я сейчас же велю тебя казнить.

— Ну, тут уж выбирать не приходится,— сказал Плут.— И не хочешь, а согласишься. Ладно, бери котелок за сто талеров. А в придачу к нему я еще и чурбан могу дать.

— Чурбан мне не нужен,— сказал король.— Чурбанов у меня и так довольно. Пусть тебе остается.

Король вернулся во дворец и сразу позвал гостей со всего королевства к себе на пир. Он собственноручно поставил горшок на пол посреди зала и приказал все кушанья варить тут же, при гостях, в волшебном котелке.

Гости были очень удивлены. Они даже подумали, что в голове у короля не все в порядке, и потихоньку посмеивались над ним.

Но король не обращал на это никакого внимания. Он ходил вокруг горшка, собственноручно помешивал в нем ложкой и приговаривал:

— Смейтесь, смейтесь! Вот увидите, все сейчас сварится.

Но, разумеется, ничего не варилось, и в конце концов король догадался, что Плут опять сплutowал.

Тут уж король совсем вышел из себя. Он тотчас отправился к Плуту, чтобы казнить его на месте.

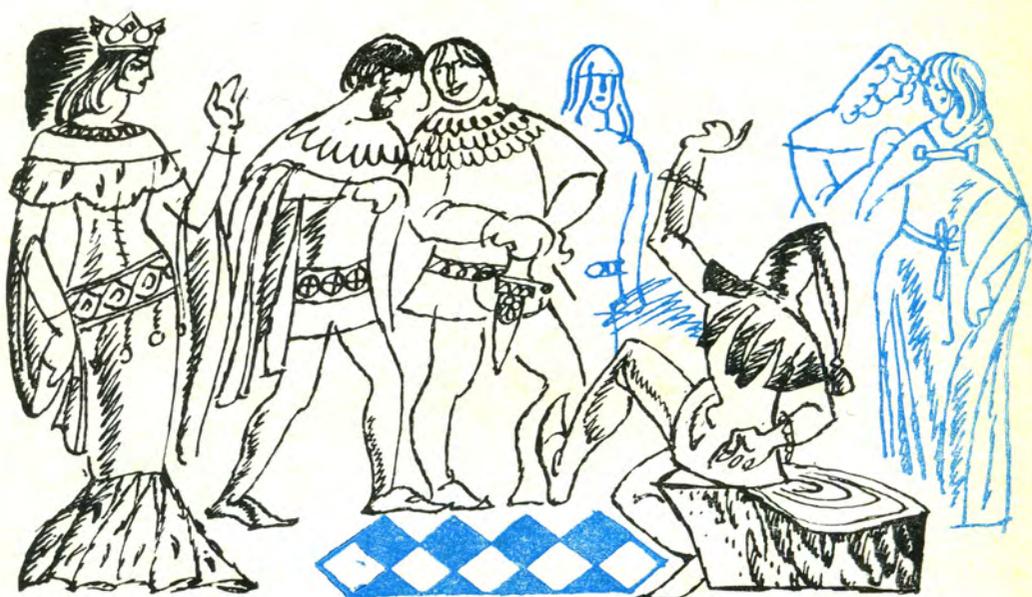
А Плут стоял на крылечке и точно поджидал короля.

— Ну, что, котелок-то у тебя не варит?— спросил Плут.

— То-то и есть, что не варит,— сказал король.— Ты опять меня обманул! Теперь я вижу, что ты изрядный плут. Только больше тебе уж не придется плutowать.

С этими словами король выхватил меч и хотел уже отрубить Плуту голову.

— Подожди, подожди,— воскликнул Плут.— На этот раз я совсем не виноват. Я же говорил, что надо взять и чурбан. В нем весь секрет. А без чурбана, конечно, в этом котелке даже простой каши не сварить.

— Да не врешь ли ты опять? — спросил король. — Может, это всё твои плутни?

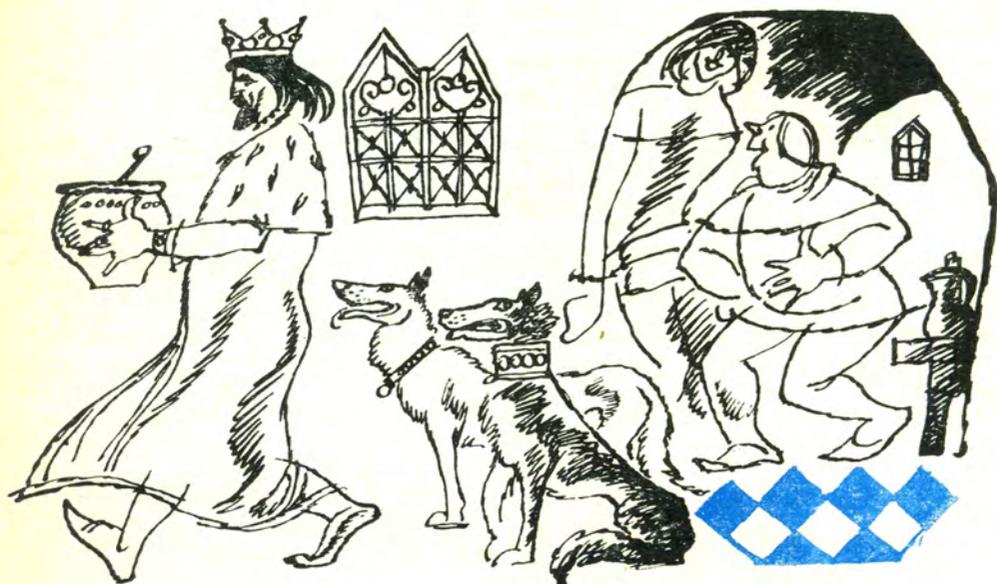
— Какие ж тут плутни? Всякому понятно, что на полу ничего сварить нельзя. Вся штука в чурбане. Без него ничего не выйдет.

— Сколько же ты хочешь за этот чурбан?

— Настоящая его цена — триста талеров, — сказал Плут, — ну да так и быть, уступлю его за двести.

Король не стал торговаться, потому что, если говорить по совести, так и триста талеров — не цена для такого чурбана. Он взял чурбан и, очень довольный, ушел к себе во дворец.

В тот же день король снова решил устроить пир и созвал полный дом гостей.

Гости со всех сторон оглядывали старый чурбан, который красовался среди зала, и никак не могли понять, для чего он тут стоит.

Но вот двери распахнулись и вошел король. Он торжественно нес глиняный котелок и собственноручно водрузил его на чурбан.

— Если у вас есть такой чурбан, вам не нужен ни повар, ни истопник, ни дровосек,— сказал король.— Сейчас вы сами увидите, как отлично варится на нем обед.

Но обед почему-то не варился. Да и как он мог вариться? Не все ли равно, стоит ли котелок на деревянном полу или на деревянном чурбане?

Все гости это прекрасно понимали, но все помалкивали, потому что с королями лучше не спорить.

В конце концов и король догадался, что деревянный чурбан — это всего лишь деревянный чурбан и ничего больше.

Вот и вышло, что Плут опять надул короля!

Этого король уже не мог стерпеть.

Он приказал свите следовать за ним и отправился к Плуту.

А Плут так и думал, что король опять пожалует к нему. Он сбегал за своей сестрой, которая жила неподалеку и тоже кое-что понимала в плутнях. Потом он зарезал барана, собрал баранью кровь в пузырь и велел сестре спрятать пузырь за пазухой.

Сестра уселась на крылечке, а сам Плут спрятался в доме.

И вот явился король. От гнева он весь дрожал — с головы до ног.

— Где Плут? — закричал король.

— Простите, ваше величество, о ком это вы спрашиваете? — сказала сестра Плута, низко кланяясь королю.

— Я спрашиваю о мошеннике, обманщике, плуте, который живет в этом доме. Ты знаешь его?

— Здесь живет мой брат, ваше величество.

— Так вот знай, что твой брат — величайший плут, — сказал король. — Говори, где он?

— Он дома, спит, ваше величество, — сказала сестра.

— Разбуди его, — приказал король.

— Что вы, ваше величество, — сказала сестра. — Он очень рассердится, если я его разбужу.

— А если ты его не разбудишь, рассержусь я, — сказал король, да таким голосом, что всякий испугался бы не на шутку.

— Ваше величество, — взмолилась сестра, — он убьет меня, если я разбужу его раньше времени.

— Если ты не разбудишь его сейчас же, я сейчас же отрублю тебе голову,— закричал король. И по всему было видно, что он так и сделает.

В это время дверь распахнулась, на крыльцо выскочил Плут и с ножом бросился на сестру.

— Ты опять разбудила меня,— закричал Плут и про-
ткнул своим ножом бараний пузырь, спрятанный у сестры за пазухой.

Сестра упала, а кровь рекой потекла по земле.

Тут даже король испугался.

— Что ты наделал, несчастный Плут? Ты же убил свою сестру. И я, король, видел это собственными глазами. Теперь я должен казнить тебя дважды... Но ты такой плут, что два раза на казнь не пойдешь, непременно как-нибудь вывернешься.

— Не волнуйтесь, ваше величество! Я сейчас поправлю беду,— сказал Плут.

Он пошел в дом и через минуту вернулся с бараньим рогом в руках. Один конец рога он приставил к своим губам, другой — к губам сестры и дунул. Один раз дунул, другой раз дунул, а когда дунул в третий раз, сестра как ни в чем не бывало поднялась.

— Да ты не плут, а, видно, сам черт!— воскликнул король.— Ты что же, можешь оживить мертвого человека?

— А как же, ваше величество! Без этого мне просто не было бы житья. Я очень вспыльчивый и чуть что — убиваю всякого, кто подвернется мне под руку. Подумайте, сколько раз меня пришлось бы казнить, если бы у меня не было этого рога.

— Да, да, это верно,— пробормотал король.— Послушай, Плут, а не продашь ли ты мне свой волшебный рог? Видишь ли, я тоже очень вспыльчивый и, когда рассержусь, казню

и правого и виноватого — без разбора. Иногда это не совсем удобно: я ведь король и должен быть справедливым. Если у меня будет такой рог, это меня очень выручит. Продай мне свой рог, и я обещаю забыть о всех твоих плутнях.

Плут почесал в затылке.

— Трудно мне придется без этого рога. Да что поделаешь, — королю не могу отказать.

Он отдал королю бараний рог и взамен получил сто талеров и прощение всех своих грехов.

А король получил бараний рог и, очень довольный, отправился домой. Ему не терпелось поскорее испробовать новый волшебный рог. Не успел он со своей свитой отъехать и ста шагов, как один из придворных чем-то ему не угодил, и, выхватив меч, король ударил его изо всей силы по голове.

Придворный только охнул и упал с коня.

— Кажется, он мертв,— сказал король.— Вот и хорошо. Сейчас мы его оживим.

Он приложил бараний рог одним концом к своему рту, другой конец ко рту убитого и принялся дуть. Но сколько он ни дул, вдохнуть жизнь в мертвеца ему не удалось. Как тот был мертвым, так мертвым и остался.

— Ну хорошо же,— сказал король,— этого оживить я не могу, но Плута казнить могу.

И он повернул назад, к дому Плута.

Стражники ворвались в дом и схватили Плута, а король сказал:

— Ты меня столько раз обманывал, что на пощаду больше не надейся. Ведите его во дворец.

Плут не стал ни спорить, ни хитрить.

— Что ж, идти так идти.

И все двинулись к королевскому дворцу.

Там король приказал выкатить на двор бочку, в бочку посадить Плута, потом наглухо заколотить ее, отвезти на берег моря и поставить на вершину самой высокой скалы.

А дальше король распорядился так: пусть бочка три дня стоит на скале, чтобы Плут успел раскаяться во всех своих плутнях, а на четвертый день король собственноручно сбросит ее в море. Король все любил делать собственноручно.

Сказано — сделано.

Сидит Плут в бочке день, сидит другой, сидит третий и, чтобы не так было скучно, поет песни.

А тут как раз ехал мимо какой-то богач.

— Эй,— кричит,— кто это поет?

— Я,— отвечает Плут.

— Да где же ты? — спрашивает богач.

— В бочке,— отвечает Плут.

— Зачем же ты в бочку залез?

— А я жду, чтобы меня живым на небо взяли. Уж больно там хорошо,— кто туда попадет, ни за что на землю не вернется. Солнышко греет, облака мимо плывут... Ни забот, ни хлопот... Хорошо!

Разобрала тут богача зависть. Захотелось и ему попасть на небо. Ведь когда еще подвернется такой случай! Слуги да соседи всё больше желали ему провалиться сквозь землю, а тут живым — и прямо на небо!

— Послушай, приятель,— сказал богач,— не уступишь ли ты мне свое место? Я тебе хорошо заплачу.

— Что ж, пожалуй, уступлю,— сказал Плут.— Только это будет дорого стоить — так и знай.

— Да ради такого дела мне ничего не жалко! Я тебе все свое богатство оставлю! — воскликнул богач.— Зачем оно мне на небе!

Он тут же написал завещание в пользу Плуто, потом вышиб у бочки дно, Плуто выпустил на волю, а сам забрался на его место.

— Счастливо оставаться! — крикнул богач.

— Счастливого пути! — крикнул Плут.

Он снова заделал дно и пошел поскорее на базар, — очень уж он проголодался, пока сидел в бочке.

В скором времени на берег пришел король.

Он постучал по бочке и крикнул:

— Эй ты, приготовился?

— Приготовился! — ответил богач.

— Ну, счастливого пути! — сказал король и столкнул бочку со скалы. — Уж тут тебе не сплутовать! Всем твоим плутням теперь конец!

И, весело насвистывая, король пошел домой.

Подходит он ко дворцу, а на крыльце сидит Плут — живой и невредимый — и как ни в чем не бывало наигрывает на губной гармонике.

— Как ты смеешь здесь сидеть, когда я сбросил тебя в море? — закричал король.

— А почему бы мне тут не сидеть? Мне самое место во дворце. Я ведь не бедняк какой-нибудь, у меня теперь и денег, и скота, и всякой всячины побольше, чем у тебя будет.

— Да когда же ты успел так разбогатеть? — удивился король.

— А вот когда ты меня сбросил в море. Там на дне есть чем поживиться — золото там горами лежит. Только не ленись — подбирай!

— Послушай, братец, не сбросишь ли ты и меня туда же? — спросил король.

— С удовольствием, — сказал Плут. (И на этот раз он сказал правду).

— А сколько ты с меня возьмешь за это?

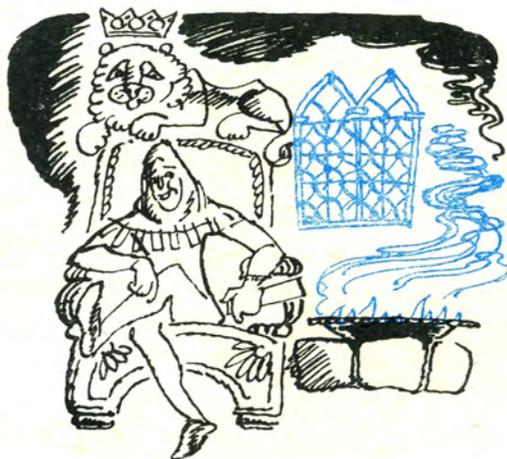
— Тут и речи не может быть о деньгах,— ответил Плут.

— Ты с меня ничего не взял, и я удружу тебе даром.

Король приказал тотчас прикатить на берег бочку и залез в нее. Плут хорошенько забил дно и столкнул бочку в море.

— Счастливого пути! — крикнул Плут.— Теперь всем твоим глупостям конец!

Так и отделался Плут от глупого короля и стал сам править королевством. Худо ли, хорошо ли он правил — это неизвестно, но уж никто при нем не смел плутовать и обманывать: кого-кого, а Плута не проведешь.

Жили в одном селе две вздорные соседки. Стоило им только увидеть друг друга, как между ними начинался спор. А где спор — там и ссора, а ссору — это каждый знает — легче начать, чем кончить.

И чем больше они ссорились, тем злее становились. До того дошло, что не успеет одна рта открыть, как другая уже готова вцепиться ей в волосы.

Наконец и спорить им стало не о чем. Тогда добрались они до своих мужей. А мужья у них были как раз им под пару — хоть веревки из них вей. Вот они и заспорили, чей муж глупее.

Одна говорит:

— Мой!

Другая говорит:

— Нет, мой!

Одна кричит:

— Да у моего ума не больше, чем у тролля!

А другая в ответ:

— А у моего — ума еще меньше, чем у тролля!

Одна хвастает:

— Да моему скажи, что кувшин — это топор, он и поверит.

А другая не сдается:

— Это что! — говорит. — Моему прикажи иголкой с ниткой землю пахать, — он и пойдет.

И ни та этой, ни эта той не уступает ни полслова.

Тогда одна из них и говорит:

— Давай испытаем, кто из нас ловчее обманет мужа, тогда и видно будет, кто из них глупее.

На том и порешили. Пошептались о чем-то и разошлись по домам.

Вот вернулся муж одной хозяйки из лесу, а она и говорит:

— Что это с тобой, муженек? На тебе лица нет! Заболел, видно?

— Еще что выдумала — заболел! Здоровехонек!

— Нет, уж от меня ничего не скроешь! Сразу видно, что тебя лихорадка бьет. Иди ложись скорее!

— Да чего мне лежать! Ты бы мне ужин подала...

— Какой там ужин! Сам на ногах едва держишься. Вот-вот упадешь. Неровён час — и конец придет.

И так она над ним причитала, так хлопотала, что ему и вправду стало не по себе: то в жар бросит, то в холод. А жена на него все насаждает и насаждает. Наконец уложила она его велела руки на груди скрестить, глаза закрыть, — бегаёт, взад-вперед и приговаривает:

— Ах ты, беда какая! Помирает мой мужик! Как есть помирает! Вот уж и помер. Совсем помер. И не шевелится.

Слушает ее муж и диву дается. Как же он помер, коли все слышит? И рукой-ногой шевелит потихоньку. А уж есть охота — ну прямо до смерти! Так бы и съел все, что в кладовке спрятано. Только об этом и думать нечего. Раз жена сказала, что помер — значит, помер.

Тем временем другая хозяйка вот что затеяла. Как только увидела она из окошка, что муж идет домой, села она посреди горницы и давай руками перед собой махать, будто чесальным гребнем шерсть чешет.

— Что это ты, жена, придумала? — говорит муж. — Прясть на прялке без колеса — одна только забава, а уж чесать шерсть без шерсти — просто бабья глупость.

— А что же я чешу, по-твоему? — говорит жена.

— А ничего, кроме языка,— говорит муж.

— Вот сразу и видно, что сам ты глуп,— говорит жена.— Глаза-то у тебя есть? Посмотри-ка, ведь шерсть у меня какая тонкая! Нигде такой не найти. И цены ей нет. Всякий, кто понимает, такую шерсть с руками бы у меня вырвал. А я ее для тебя припасла.

Тут пододвинула она прялку и завертела колесо.

Прялка жужжит, а хозяйка в воздухе руками перебирает, словно и вправду прядет шерсть.

— С ума ты спятила,— говорит муж.— Ну что впустую колесо крутишь?

— Как это впустую? Погляди, какая нитка идет — что паутина. А уж крепкая — не разорвать. Недаром говорится: где тонко, там не рвется.

Кончила она прядь, стала ткать. Руками в воздухе покрутила и сняла с ткацкого станка ткань, которой не было. Растянула ее на столе и взялась за ножницы. Кроит, режет, шьет, ножницы щелкают, а игла так и мелькает.

— Ну,— говорит наконец,— вот тебе новая пара.— И руки наверх вскинула, будто вешает одёжу на стену.

Муж только плечами пожимает, а спорить больше не спорит. Может, и верно глаза у него плохо видят?..

На другой день поутру разбудила жена мужа и говорит:

— Сосед-то наш, Нордигорен, помер. Надевай новое платье, идем, сейчас хоронить будут.

И протягивает руки, точно подает ему новую одёжу.

— А где одёжа-то? — спрашивает муж.

— А глаза твои где? Надевай живо. Что мне с тобой, как с малым ребенком, возиться?

Стал муж одеваться, руки-ноги поднимает, опускает, а жена вокруг него ходит и приговаривает:

— Ну и ладно шито!

Так и вышел на улицу. Самому-то стыдно на люди показаться, а услышит, как жена свою работу нахваливает, и храбрее шагает.

Вот и дом Нордигорена. А в доме полно народа.

Ну, когда увидели его те, кто пришел отдать последний долг покойному, печаль их об умершем не стала больше. Одни в кулак фыркают, другие громко хохочут.

А покойник слышит, что все кругом смеются, и не утерпел: чуть-чуть открыл глаза щелочкой. Да как расхохочется во весь голос, даже гроб под ним запрыгал.

— Вот это здорово! — говорит. — Ула Серигорен с горя, что я помер, одеться позабыл!..

Народ кругом так и ахнул: покойник заговорил! Попятились все из избы — от греха подальше, — а Ула Серигорен спрашивает приятеля:

— Это что же такое? Кто же тебя заживо в гроб уложил?

— А кто тебя без одёжи из дому отпустил?

— Да с моей женой разве поспоришь? — говорит один. — Она не то что живому — мертвому голову заморочит.

— А мою разве переговоришь, — вздохнул другой. — Как заладит своё, так забудешь, на каком ты свете живешь.

Потолковали они, потолковали и придумали, как им проучить своих жен. И это было самое умное, что они сделали за всю свою жизнь.

А если вы хотите знать, что же они придумали, спросите об этом у берёзового веника.

ВЕЧЕР,
ПРОВЕДЕННЫЙ
В ОДНОЙ
НОРВЕЖСКОЙ
КУХНЕ

Ну и выдалась же погодка в этот вечер!

На дворе бушует метель. Ветер свистит и раскачивает голые ветки кленов и старых лип. На небе — ни звездочки. Пожалуй, нигде небо не бывает таким мрачным, как в Норвегии, в глухой декабрьский вечер.

Мы с хозяином дома сидим в его комнате, тускло освещенной свечой. В одном углу дивана устроился я с книгой, в другом углу — сам хозяин. Перед ним — целая кипа газет. Из номера в номер там печатается труд под затейливым названием: «Опыт выражения верноподданнических чувств на благо родины». Автор предпочел скрыть свое имя и скромно подписался: «Аноним».

Изучение этого глубокомысленного труда навело хозяина на столь же глубокомысленные размышления. А так как он, кажется, ни в чем не соглашался с автором и к тому же от природы был большой спорщик, то мало-помалу пришел в такой азарт, что вскочил с дивана и, размахивая руками, забегал по комнате. меховая шапочка слетела у него с головы, полы длинного сюртука взлетали точно крылья. От этого пламя свечи все время мигало, и читать стало почти невозможно. А гневные речи, которые хозяин обрушивал на невидимого автора, звенели у меня в ушах, словно рой майских жуков, и уже вовсе не давали читать.

Я знал наизусть все ядовитые реплики, уничтожающие сравнения, разящие наповал доводы, которые обрушивал на несчастного Анонима хозяин дома. Все это я слышал по крайней мере в сотый раз. Но деться мне было некуда: пол в моей комнате только что вымыли, и в ней было холодно и сыро.

Наконец я не выдержал и бросился бежать в кухню. Оттуда то и дело слышались взрывы веселого смеха. Это, наверное, кузнец Христиан рассказывал сказки.

А вслед мне неслись яростные выкрики хозяина:

— Детские игрушки!.. Ложь!.. Это позор для ученых!.. Милостивый государь, я как истинный патриот...

Больше я уже ничего не разобрал и поплотнее закрыл за собой дверь.

В просторной, чистой кухне было светло и весело. В очаге пылал яркий огонь, освещая все углы и закоулки. Тут сидела хозяйка, а возле нее устроились дети, служанки с рукоделием, соседки с веретеном.

Дети грызли орехи.

За длинным столом ужинали работники,—кухарка поставила им миску молока и горшок густой каши.

Кузнец тоже был здесь. Он стоял, прислонясь спиной к печке, и курил трубку. По его лицу, хоть оно и было перемазано сажей, легко было догадаться, что сейчас он рассказывал что-то очень интересное и пожинает плоды заслуженного успеха.

— Добрый вечер, кузнец,—сказал я.—Это ты веселишь тут всю компанию?

— Ну да, он!—закричали хозяйские сыновья.—Христиан рассказывал сказку о том, как кузнец черта провел!

— Да,—сказал Христиан,—черт нашего брата кузнеца побаивается. Конечно, бывает, что и кузнецу приходится повозиться с чертом. Вот слышал я одну такую историю...

— Расскажи, расскажи, Христиан...

Кузнец не заставил долго себя просить.

— Дело вот как было,—начал он, посасывая свою трубочку.—Шел однажды по дороге паренек и грыз орехи, вот как вы их грызете!—сказал он, поворачиваясь к мальчикам.

— И попался ему червивый орешек. Парень хотел было его бросить, да вдруг видит, идет ему навстречу черт. Самый настоящий черт — на голове рожки торчат, сзади хвост болтается. Все как положено.

Парень думает: «Дай-ка я проведу этого черта!»

И говорит ему будто невзначай:

— Скажи, пожалуйста, правда ли, что настоящий черт, если захочет, может маленьким-премаленьким стать, во всякую щель пролезет, сквозь игольное ушко и то пройдет?

— Конечно, правда, — отвечает черт.

— А вот через эту дырочку, что червяк проел, можешь влезть в орех? — спрашивает парень.

Черт только плечами пожимает:

— Конечно, — говорит, — могу. Для черта всюду места хватит.

А парень не унимается:

— Нет, — говорит, — ни за что не поверю, что ты в этом орешке поместишься!

— Не поверишь? Ну так гляди! — говорит черт.

И не успел парень глазом моргнуть, черта как не бывало, а из ореха голос слышен:

— Что, веришь теперь?

— Теперь верю, — говорит парень. А сам взял комочек земли да и залепил дырку в ореховой скорлупе.

Положил орех в карман и пошел прямо в кузницу.

— Послушай, дядя, — просит, — расколи мне этот орешек.

Кузнец усмехается:

— Ну, это дело пустяковое!

Положил кузнец орех на наковальню, взял самый маленький молоточек и ударил легонько. Смотрит — орех как лежал, так и лежит.

Взял кузнец молоток побольше, размахнулся посильнее, стукнул по ореху покрепче. Опять не берет! Тогда взял кузнец пудовый молот и так ударил, что искры кругом посыпались. Да только напрасно старался,—ничего ореху не делается.

Тут уж кузнец рассердился не на шутку.

— Постой, сейчас я с тобой расправлюсь!

Взял он трехпудовый молот, размахнулся что было мочи—и как хватит по ореху! Орех вдребезги, да и кузница чуть не развалилась. Все кругом затрещало, стены зашатались, а крышу словно вихрем сорвало.

Кузнец только в затылке от удивления чешет.

— Да что же это такое? — говорит.— Черт в этом орехе сидел, что ли?

А парень ему:

— Ну да, дяденька, самый настоящий черт!

Христиан замолчал, очень довольный впечатлением, которое произвел на своих слушателей.

— Жаль, народ стал теперь больно ученый, не верит ни во что, — сказал кто-то.— Вот поэтому ни черта, ни других нечистых духов и не увидишь.

— Да, уж это верно,—сказал кузнец.

Я тоже поспешил согласиться с ним в надежде, что так мне удастся выманить у него еще какую-нибудь легенду или сказку. Пускаться в бесполезный спор и доказывать, что нечистая сила—это просто выдумка, у меня не было никакой охоты.

— Да, теперь мало кто верит в чертей и духов,—сказал я.— Или, может быть, притворяются, что не верят. Только мне сдается, что нечистая сила и теперь морочит людей, как и в прежние времена.

Мой расчет оправдался.

— А как же,— сказал кузнец и снова задымил трубкой. — Слышали про Пера Саннума? Как духи его лошадь держали на Асмирерском холме?

— Нет, не слышал,— сказал я.

— Ну так я вам сейчас расскажу. Пер Саннум был человек известный, он какую хочешь болезнь заговорить мог не хуже нашей Берты. Что, разве не так, Берта? — сказал кузнец, поворачиваясь к старой Берте Туппенхаук. Она сидела вместе с другими женщинами возле очага и чесала шерсть.

— Конечно, он кое-что знал в нашем деле,— сказала Берта уклончиво.

— Ну так вот,— продолжал кузнец.— Однажды отправился Пер Саннум в город,— судился он с кем-то. А надо вам сказать, что он был порядочный задира и спорщик, точь-в-точь как наш хозяин... — Тут кузнец точно поперхнулся дымом и долго откашливался, поглядывая на хозяйку. Но та словно и не слышала его последних слов.— Да, отправился он, значит, в город. А суд должен был состояться ровно в десять часов утра. Вот Пер Саннум и решил выехать из дому с вечера, чтобы ненароком не опоздать. Но только он поднялся на Асмирерский холм, лошадь его вдруг стала, точно к месту приросла. Как Пер ее ни бил, как ни стегал, лошадь — ни взад ни вперед, будто ее кто под уздцы схватил, да и держит. Асмирерский холм — место нечистое, это всякий знает. Кого только духи не морочили на Асмирерском холме. Очнется человек — и сам не знает, как он там оказался. И не помнит, что с ним было. Ведь правда, Берта? — снова обратился кузнец к Берте Туппенхаук.

— Истинная правда,— ответила старушка.— Уж если духи утащат кого на Асмирерский холм, тот человек ровно ничего не помнит...

— Вот я про то и говорю,— сказал кузнец.— Целую ночь Пер Саннум бился со своей лошадей, а сделать ничего не мог. Стала — и стоит. Хоть плачь! Наконец спешился он и отправился к Ингебрету — тот прямо на Асмирерском холме дом себе выстроил. «Будь другом,— просит Пер,— возьми горящую головешку и брось в лошадь».

А сам опять на спину ей вскочил.

Ингебрет рад стараться — размахнулся посильнее да и запустил головней в лошадь. Понеслась она как бешеная. Пер едва в седле удержался... А в город прискакала — упала и сразу издохла. Вот что духи могут сделать... Это мне сам Ингебрет рассказывал,— закончил кузнец.

— Помню, помню, и я слышала про это,— сказала Берта Туппенхаук.— Да по правде говоря, не поверила. Неужто Пер Саннум был так глуп, что не сообразил, как от духов избавиться!

— Наверно, Пер должен был посмотреть через узду? Да, бабушка Берта?— спросил один из мальчиков, хитро подмигивая брату.

— Разумеется,— ответила старая Берта.— Тогда он и увидел бы, кто держит его лошадь. А духи не любят показываться людям на глаза — сразу бы разбежались.

— А вот я слышал,— вмешался один из работников,— что Пер Саннум просто загнал свою лошадь. Да и не кормил ее. Вот она и сдохла.

Но такое простое и понятное объяснение никому не понравилось, поэтому не удивительно, что никто не обратил на него внимания.

— Говорят, духи любят еще на мельницах жить,— сказал другой работник.— У нас в округе мельник один был, так у него мельница каждый год горела — и всегда в один и тот же день. И вот случилось, что однажды, как раз накануне

этого самого дня, у мельника работал портной — шил ему и его жене новое платье.

— Неужто и в этом году духи мне мельницу спалят, — сокрушается мельник.

А портной ему и говорит:

— Дай мне ключ и позволь переночевать на мельнице. Я этих духов мигом разгоню.

Мельник и рад. Дал портному ключ, и отправился тот на мельницу, — она только-только отстроена была.

Начертил портной на полу круг, а сам сел в середине. Теперь хоть сам черт приходи — ему нечего бояться! За круг никакая нечистая сила не переступит.

И что же вы думаете? В полночь дверь вдруг распахнулась и на мельницу ворвалась целая туча черных кошек. Поставили они на очаг большой котел и развели под ним огонь. Скоро в котле что-то заклокотало, закипело, а на мельнице запахло горячей смолой.

«Ах, вот оно что! — подумал портной. — Вот они что затеяли!» И верно. Видит он, одна кошка уже протянула лапу, чтобы опрокинуть котел с кипящей смолой.

Тут портной возьми да скажи:

— Берегись, кошка, обожжешься!

— Портной говорит: «Берегись, кошка, обожжешься!» — закричала кошка другим кошкам, и все они бросились скакать около портного. А через круг ни одна не смеет перескочить. Попрыгали они, попрыгали и опять та — первая — кошка стала к котлу подбираться, опять норовит его опрокинуть.

— Берегись, кошка, обожжешься! — сказал портной.

— Портной говорит: «Берегись, кошка, обожжешься!» — закричала кошка другим кошкам. И снова все они принялись плясать, и скакать, и визжать. Мелькают они перед портным, крутятся всё быстрее и быстрее, так что у портного всё перед

глазами поплыло. И видит он, словно в тумане, что одна кошка так и ловчит цапнуть его когтями, так и сует лапу через очерченный круг. Ну, тут уж портной не стал больше ждать. Вытащил из кармана свои портновские ножницы да и отхватил кошке лапу. Завизжала она диким голосом, и другие кошки завизжали, завыли, закричали. Потом бросились в дверь и — как не бывало их. А портной спокойно улегся в своем кругу и проспал до полудня. Выспался хорошенько и вернулся в дом мельника.

Тот не знает, как его благодарить.

— Спасибо тебе, — говорит, — уж такое спасибо! Спас ты мне нынче мельницу!

А мельничиха молчит, лежит на лавке, — лицо белое как мел, одеялом до подбородка укрылась, точно ее трясет озноб.

Стал портной с ними прощаться. Мельник его обнимает, чуть не целует, а мельничиха протянула ему левую руку,

а правую еще глубже под одеяло спрятала... Вот какие дела бывают...

— Значит, мельничиха сама и была ведьмой? — спросил один из мальчиков.

— Выходит, что так...

В это время открылась дверь, что вела из кухни в сени, и вошла скотница Стина с ведром молока.

— Уж не знаю, хозяйка, как мне быть, — сказала она. — Коровам сено нужно, а конюхи не дают даже охапки взять с сеновала.

— Да неужто ты не знаешь, что надо сделать, — сказал старший мальчик звонким веселым голосом. — Свари кисель из кислого молока и поставь в стойло, в четверг вечером, под ясли. Придет домовой, поест твоего киселя и поможет тебе унести сено так, что ни один конюх не увидит. Верно, бабушка Берта?

Старая Берта с самым серьезным видом кивнула головой, а скотница, тоже не догадываясь, что над ней посмеиваются, сказала:

— Да, хорошо, если бы у нас в доме был домовой! Только здесь я ни разу его не видела. Не то что в Нессе, когда я служила у капитана.

— Ах, расскажи, расскажи, как это было, — стали просить ее дети.

— Ну, слушайте. Было это воскресным вечером. Кучер наш торопился к своей невесте и попросил меня накормить лошадей. Я и согласилась. Дала овса сначала двум рабочим лошадям, а потом подошла к Гнедко — так звали коня, на котором наш капитан верхом ездил. Вот тут-то он и свалился мне на руки.

— Кто? Гнедко? — засмеялись кругом.

— Да не Гнедко! Домовой! Вот кто! Я потом сказала

кучеру, что Гнедко не кормленный остался, а кучер и говорит: «Ну, про Гнедко не беспокойся. За ним сам домовый ходит — и кормит его, и поит». Домовые, если им еду выставлять и обходиться с ними ласково, очень услужливые. Это уж известно.

— А какой он был из себя, этот домовый? — спросила хозяйка.

Но скотница только плечами пожала.

— Ну, где там рассмотреть его! В конюшне темно. Да и вечер был вроде сегодняшнего. Я только и заметила, — два глаза как уголья горят и сам весь шерстью оброс.

— Так это кошка была! — дружно закричали мальчики.

— Как бы не так! Кошка! — презрительно сказала скотница.

— А по-моему, люди много всякого вздора несут, — важно сказал кузнец. — Видеть-то не видели ничего, а говорят... Неужто всему верить...

Сам-то кузнец верил всему, что бы ни говорили. Но сейчас он был оскорблен до глубины души тем, что его — лучшего рассказчика во всей округе — то и дело перебивали и не давали ему открыть рта.

— Вот, к слову сказать, в Эльштате, — начал было кузнец, — так там все своими глазами видели русалку. Не то что наша Стина...

— Христиан, расскажи-ка, что было в Эльштате, — стали просить и дети и взрослые.

Кузнец только этого и ждал.

— Вот что там было. Справляли однажды там свадьбу. А пекли и жарили для свадебного пира в соседнем селе, потому что в Эльштате ни у кого и печки такой нет, чтобы на всех гостей наготовить.

Вечером посылают хозяева своего слугу за питьем-

яствами. Поехал он. Нагрузил полные сани всякой снедью и вдруг слышит, над самым его ухом кто-то говорит:

— Скажи в Эльштате Дельде, что Дильд сгорел.

Слуга давай нахлестывать лошадь. Сани несутся так, что ветер свистит, а чей-то голос опять говорит, да настойчиво так:

— Скажи Дельде, что Дильд сгорел!

И опять:

— Скажи Дельде, что Дильд сгорел!

Вернулся слуга домой ни жив ни мертв от страха.

Хозяин ему говорит:

— Что-то очень уж скоро ты приехал. Черт тебя вез, что ли? Или, может, ты еще не ездил?

— Нет, уже съездил,— говорит слуга.— Только, по правде сказать, едва не загнал я лошадь. Всю дорогу кто-то мне в самое ухо твердил: «Скажи в Эльштате Дельде, что Дильд сгорел».

Да не успел он это произнести, как вдруг раздался страшный крик:

— Ах, это дитя мое сгорело!

И кто-то невидимый стал метаться по комнате.

Вдруг смотрят все — это русалка по дому мечется. В суматохе-то шапка-невидимка упала с нее, а она не заметила.

Бросились было ловить русалку, да где там! Вильнула она хвостом туда-сюда и скрылась.

А когда все успокоились, тут-то и оказалось, что самых лучших пирогов и жареной дичи, и самой большой бочки пива как не бывало. Всё русалка унесла...

— А может, не русалка, а слуга,— робко заметил кто-то из слушателей.

Но в эту минуту дверь в кухню отворилась и на пороге появился сам хозяин.

— Что, ты все еще болтаешь свою чепуху? — накинулся он на кузнеца. — Мальчики, идите спать. Довольно вам слушать брехню и глупости, которыми набита голова этого пустомели.

— Должен заметить, — произнес кузнец с достоинством, — что мне лично пришлось слышать брехню и глупости только один раз в жизни, когда вы осчастливили жителей округи своей речью в городской ратуше.

— Бездельник! Проклятый болтун! — закричал хозяин и с треском захлопнул дверь.

На кухне наступило неловкое молчание.

— Однако, и верно, пора спать, — сказала хозяйка, складывая рукоделье.

— Нет, нет! Еще хоть одну сказку! Самую маленькую! Пожалуйста, Христиан, расскажи! — стали просить дети.

— Ну, так и быть, — сказал кузнец. — Раз уж меня зовут болтуном, так поболтаю еще. Слушайте. Сейчас я вам расскажу, как пастух клад нашел... Шел этот пастух однажды лесом и видит — на траве ларец лежит.

Поднял его пастух, дернул за крышку — не открывается. Постучал по замочной скважине — не поддается.

Пастух и так и этак вертел ларец, а открыть его не может.

«Ну, — думает, — в этом ларце, верно, спрятаны какие-то сокровища, иначе зачем бы его так крепко запирать?»

Взял он ларец под мышку и пошел дальше. Десяти шагов не прошел — видит, лежит в дорожной пыли ключик.

«Вот если бы этот ключик подошел к этому ларцу!» — думает пастух.

Поднял он ключик. Осмотрел со всех сторон. Потом пошел на него. Потом в замочную скважину дунул. Приложил ключик к скважине — подходит. Сунул его поглубже — го-

дится. Повернул ключик — а замочек как щелкнет! И ларец открылся.

И как вы думаете, что там было? — Телячий хвост.

Вот и всё. Если бы хвост был длиннее, тогда и сказка была бы длиннее.

Ну а теперь — спокойной ночи, мальчики!

Но мальчики не ушли до тех пор, пока кузнец не дал слова, что завтра он снова придет и будет опять рассказывать сказки. За это ему было обещано четверть фунта табаку.

Однако на другой вечер кузнец был мрачен, неразговорчив и, как дети его ни тормошили, он молчал и только жевал табак.

Служанки говорили потихоньку, что ночью его похитили духи и унесли на Асмирерский холм. Там кузнеца и нашли утром в сарае Ингебрета, а рядом валялась бутылка. Кузнец нес всякую нескладицу и решительно не мог вспомнить, как он здесь оказался.

Не иначе как над ним подшутили духи!

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Вороны Ут-Рёста	3
Рассказы Берты Туппенхаук	13
Пер Гюнт	31
Ловля макрелей	39
Как два мальчика встретили в Хедальском лесу троллей	53
Замок Сёрна-Мёрна	61
На восток от солнца, на запад от луны	75
Сын вдовы	91
Королевские зайцы	107
Плут	125
Глупые мужья и вздорные жены	139
Вечер, проведенный в одной норвежской кухне	145

Для младшего школьного возраста

Петер Кристен Асбьёрсен
НА ВОСТОК ОТ СОЛНЦА, НА ЗАПАД ОТ ЛУНЫ

НОРВЕЖСКИЕ СКАЗКИ

*Печатается по изданию:
Государственное издательство детской литературы
Министерства просвещения РСФСР, Ленинград, 1962.*

Редактор *Н. П. Кутьков*
Художественный редактор *Р. С. Киселева*
Технический редактор *Л. В. Шевченко*
Корректор *Л. П. Лихачева.*

Сдано в набор 19/X-1971 г. Подписано к печати 28/II 1972 г.
Бумага 70×90^{1/16}, офс. 10,0 печ. л. 11,7 усл. печ. л.
7,66 уч.-изд. л. Изд. № 158. Тираж 200 000 (2 зав. 100 001
—200 000). Заказ 236. Цена 73 коп. Издательство „Карелия“.

Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1.

Сортавальская книжная типография Управления по печати
при Совете Министров Карельской АССР, Сортавала,
Карельская, 42. Отпечатано с матриц, изготовленных в ти-
пографии им. Анохина. Петрозаводск, ул. „Правды“, 4.

Цена 73 коп.

НОРВЕЖСКИЕ СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ

Цена 73 коп.

НОРВЕЖСКИЕ СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ